

МИХАЭЛЬ
КРАМЕР

ДРАМА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
М. ЛЕВИНОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Михаэль Крамер — художник, преподаватель в
Королевской художественной школе.

Фрау Крамер — его жена.

Михалина Крамер — их дочь, художница.

Арнольд Крамер — их сын, художник.

Эрнст Лахман — художник.

Альвина Лахман — его жена.

Лиза Бенш — дочь владельца ресторана Бенша.

Ассессор Шнабель }
Архитектор Цин } посетители ресторана Бенша.
Фон Краутгейм }
Квантмейер }

Краузе — служитель в художественной школе.

Берта — служанка в доме Крамера.

Фриц — кельнер в ресторане Бенша.

Место действия пьесы — один из больших провинциальных городов Германии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Мрачная угловая комната в квартире Крамера. Зимнее утро, около девяти часов. В углу у большого, выходящего во двор окна стоит столик; на нем посуда для завтрака и лампа, которая еще горит.

В обстановке комнаты нет ничего особенного.

Михалина, интересная девушка, брюнетка, сидит, слегка отодвинувшись от стола, и курит сигарету. На коленях у нее книга. Фрау Крамер входит в комнату через дверь на заднем плане. Она занята по хозяйству. Это седая женщина 56 лет. Она чем-то встревожена и озабочена.

Фрау Крамер. Михалина, ты все еще здесь? Разве тебе не пужно было уйти?

Михалина (*отвечает не сразу*). Нет, мама, нет. Ведь на улице еще совсем темно.

Фрау Крамер. Смотри не опоздай, Михалина.

Михалина. Боже сохрани, мама.

Фрау Крамер. Думаю, ты сама понимаешь... У нас и так достаточно забот.

Михалина. Да, конечно, мама. (*Курит и читает.*)

Фрау Крамер. Что ты опять читаешь? Ты вечно сидишь уткнув нос в книгу...

Михалина. А почему бы мне и не читать?

Фрау Крамер. Мне-то что, читай! Меня только удивляет, как ты можешь быть такой спокойной?

Михалина. А как же иначе... О господи, разве тогда что-нибудь успеешь...

Фрау Крамер. Говорил отец что-нибудь перед уходом?

Михалина. Ничего.

Фрау Крамер. Хуже нет, когда он ничего не говорит.

Михалина. Да, вспомнила! Чуть не позабыла. Он сказал, чтобы Арнольд был ровно в одиннадцать часов утра у него в мастерской.

Фрау Крамер закрывает дверцу печки, завинчивает ее, затем со вздохом поднимается.

Делай как я, мама, — отвлекись. Ничего нового в этом нет, а мы знаем — Арнольда не переделать.

Фрау Крамер (*садится у стола, подперев голову. Вздыхает*). Ах, не понимаете вы мальчика! Не понимаете. Не понимаете его. А отец — он доведет его до гибели.

Михалина. Ты не имеешь права говорить так. Ты совсем неправа! Папа делает для Арнольда все, что может. Он пробовал все средства. Если ты это не оценила, мама, тем хуже.

Фрау Крамер. Ты дочь своего отца, это я хорошо знаю.

Михалина. Я дочь и твоя и отца.

Фрау Крамер. Нет, куда больше отцовская. Если бы ты была моя дочь, разве ты всегда держала бы его сторону?

Михалина. Мама, не надо волноваться. Я стараюсь быть просто справедливой и держу сторону то одного, то другого. Поверь, мне с вами очень трудно.

Фрау Крамер. Я на стороне моего мальчика, и все! А вы делайте что хотите.

Михалина. Как можно так говорить?!

Фрау Крамер. Ты, Михалина, совсем не женщина! Ты совсем не похожа на женщину, говоришь как мужчина и думаешь как мужчина! Какой мне толк от такой дочери?

Михалина (*пожимая плечами*). Да, мама, если это даже так, я все равно ничего не могу изменить.

Фрау Крамер. Можешь! Только не хочешь.

Михалина. Мама... Прости, но мне пора идти! Послушай, мама, будь добра, не волнуйся! Ты ведь не думаешь, что говоришь!

Фрау Крамер. Все, что я сказала, сущая правда. Михалина. В таком случае мне жаль всех нас.

Фрау Крамер. Мы ведь все страдаем под гнетом отца.

Михалина. Сделай мне одолжение, раз и навсегда. Я никогда не страдала под гнетом отца и теперь не страдаю. Я уважаю отца, и ты это прекрасно знаешь. Это была бы самая проклятушая ложь...

Фрау Крамер. Фу! Михалина, вечно ты со своими проклятиями!

Михалина. ...если бы я сказала, что он мучает меня. Нет в мире человека, которому я была бы так безмерно благодарна.

Фрау Крамер. А мне?

Михалина. Нет. Мне это очень жаль. Что такое отец и что он для меня, понимают больше посторонние, чем свои, — я говорю о тебе и об Арнольде. Это какой-то рок: самые близкие люди дальше всего от отца. Он один совсем бы погиб среди вас.

Фрау Крамер. Будто я не знаю, сколько раз ты плакала, когда отец...

Михалина. Да, плакала. Я часто плакала. Он иногда делал мне больно, но, в конце концов, я должна признать — всякий раз, когда он причиняет мне боль, он бывает прав и учит чему-то полезному.

Фрау Крамер. Учит или нет, отец не сделал тебя счастливой. Будь у тебя уютный дом, муж, дети... и все прочее...

Михалина. Отец у меня этого не отнимал.

Фрау Крамер. Теперь ты мучаешься, и отец мучается, и получаютя одни заботы да недовольство.

Михалина. Ах, мама, когда я все это слышу, мне становится, поверь, так душно, так душно и тяжело... Ты мне просто не поверишь. *(Уныло и грустно.)* Если бы Арнольд был не таким, как бы он был благодарен отцу...

Фрау Крамер. Ему было уже пятнадцать лет, а отец еще бил его.

Михалина. Я не спору: отец бывает грубым, он может вспылить. Я не оправдываю его. Но, мама,

вспомни, что Арнольд натворил тогда. Он подделал подпись отца.

Фрау Крамер. От смертельного страха, от страха перед отцом.

Михалина. Нет, мама; — это не объяснение.

Фрау Крамер. Мальчику плохо, он нездоров. Ведь Арнольд совершенно больной.

Михалина. Возможно! Но с этим ему нужно примириться. Смирение, мама, — это человеческий жребий. Уметь сдерживать себя и бороться за высокое — обязанность каждого. И у него прекрасный пример — отец. Кстати, мама, вот двадцать марок. В этом месяце я больше уделить не могу. Я целых двадцать три марки заплатила за краски. Да и зимний берет мне тоже был нужен. Двум ученикам я отсрочила плату.

Фрау Крамер. Ну да, ты все мучаешься с этим бабьем, а они надувают тебя и стараются не заплатить тебе твои гроши.

Михалина. Нет, мама. Они, право, меня не надувают. Эта бедная горбунья — без всяких средств. Шефферс отказывает себе во всем, она голодает.

Звонок у входной двери.

Звонят. Кто это может быть?

Фрау Крамер. Не знаю. Я только лампу потушу. А все-таки как бы я хотела, чтобы все было иначе.

Через комнату проходит Берта.

Михалина. Узнайте раньше, кто это, Берта.

Фрау Крамер. Молодой барин еще спит?

Берта. А как же? Он ведь только что лег. (*Уходит.*)

Михалина. Кто бы это мог быть, мама?

Берта возвращается.

Берта. Художник Лахман с женой. Они раньше заходили в школу к господину профессору.

Михалина. Папа не профессор. Вы же это знаете, он просит называть его просто господином Крамером. (*Идет в переднюю.*)

Фрау Крамер. Подожди. Я хочу здесь немного прибраться. Живо, Берта! Я приду немного позже.

Фрау Крамер и Берта уходят и уносят посуду. Из передней слышен шум, приветствия, возгласы. Затем появляются художник Эрнст Лахман, его жена Альвина Лахман, а за ними — Михалина. Лахман в цилиндре и пальто с тростью в руке; на его жене шляпа из темных перьев и боа из перьев. Одежда на обоих поношенная.

Михалина. Откуда ты? Что подделываешь?

Лахман (*представляет*). Альвина, а это — Михалина Крамер.

Фрау Лахман (*очень удивленно*). Да неужели? Так это вы?

Михалина. Вас это удивляет?

Фрау Лахман. Да. Откровенно говоря, да! Немножко! Я вас представляла себе совершенно иначе.

Михалина. Еще старше? Еще более морщинистой?

Фрау Лахман (*живо*). Нет, откровенно говоря, совсем наоборот.

Михалина и Лахман хохочут.

Лахман. Ну что ж, неплохо, совсем неплохо для начала.

Фрау Лахман. А что? Я опять не то сказала?

Лахман. Как поживает твой отец, Михалина?

Михалина. Хорошо. Почти как всегда. Думаю, ты не найдешь в нем больших перемен. Прошу, садись. Прошу вас, сударыня. Вы нас извините, не так ли? У нас здесь беспорядок.

Все садятся к столу.

Ты куришь? (*Предлагает ему сигарету.*) Или отвык? Простите, я так надумила... Я знаю, что это неженственно, но, к сожалению... я поняла это слишком поздно. Вы, наверно, не курите? Нет? А вам дым не мешает?

Фрау Лахман (*отрицательно качает головой*). Эрнст дома целый день сосет свою трубку.

Лахман (*берет из портсигара Михалины сигарету*). Спасибо.— А ты в этом ровно ничего не понимаешь.

Фрау Лахман. Что тут понимать, Эрнст?

Лахман. Многое, дорогая Альвина.

Фрау Лахман. Что? Что же?

Михалина. Когда куришь, легче говорить.

Фрау Лахман. Хорошо, что я не курю, я и без того слишком много болтаю.

Лахман. Все дело в том, что говорить.

Фрау Лахман. Ах, милый Эрнст, ты иногда горишь такую чушь.

Лахман *(делает усилие, чтобы не ответить)*. Да! Что я хотел сказать? Итак, у твоего отца все в порядке. Это меня радует.

Михалина. Да, как я уже сказала: ему живется как всегда — и в общем и в целом. Ты, наверно, приехал навестить свою мать?

Фрау Лахман *(болтливо)*. Он хочет здесь немножко осмотреться. Не найдется ли какой работы. В Берлине ведь нечего делать! Здесь ведь тоже делать нечего, фрейлейн?

Михалина. Не знаю... Что вы имеете в виду?

Фрау Лахман. Вы же, кажется, организовали здесь школу? Разве это вам мало дает?

Лахман. Послушай, когда закончишь, ты мне скажи. Ладно?

Михалина. Моя школа живописи?! Кое-что дает! Конечно, немного, но все же кое-что. *(Обращаясь к Лахману.)* Уж не хочешь ли ты составить мне конкуренцию?

Фрау Лахман. Ах, что вы! Упаси боже! Мой муж, сознаюсь, бредит вами. Такого он никогда не делает. Но чем-нибудь человеку нужно же заняться. Пить, есть каждый хочет, не правда ли? Мой муж...

Лахман. «Мой муж»! Я не твой муж, понимаешь? Это выражение всегда бесит меня.

Фрау Лахман. Каково! Вы слышали что-нибудь подобное?

Лахман. Меня зовут Эрнст, Альвина. Заметь себе это. Ты можешь говорить: моя кочерга, моя кофейная мельница, моя искусственная букля, — в остальном рабство уничтожено.

Фрау Лахман. Но, пупсик...

Лахман. Это кличка для собак.

Фрау Лахман. Ну вот, полюбуйтесь на такого мужа! Сделайте мне одолжение, фрейлейн, никогда не выходите замуж. Старым девам живетсЯ куда лучше.

Михалина от души смеется.

Лахман. Хватит, Альвина, баста! Будь любезна, возьми свое боа и подожди меня где-нибудь. Понятно? Иначе все теряет всякий смысл! Вот-вот, накинь эту свою изысканнейшую штуку и поезжай к своей матери или посиди напротив в кафе. Я, так и быть, зайду за тобой.

Фрау Лахман. Нет, вы только посмотрите! Видите, как живетсЯ замужем: не успеешь рта открыть, как уже — тсс!

Лахман. Не надо и открывать. Ты ведь скажешь только глупость.

Фрау Лахман. Конечно, где уж мне быть такой умной, как ты!

Лахман. Что ни слово, то подарок. Только лучше оставь их себе.

Михалина. Пожалуйста, фрау Лахман, останьтсЯ!

Фрау Лахман. Боже упаси! Что вы думаете! И, пожалуйста, не жалеите меня. Он сейчас же за мной побежит. Прощайте.— Там на углу, рядом, кондитерская. Итак, пупсик, ты понял? Топай туда. (*Уходит.*)

Михалина ее провожает.

Лахман (*вдогонку*). Только не съешь сразу тринадцать оладий.

Михалина возвращается.

Михалина. Старым девам, действительно, живетсЯ гораздо лучше. Она и впрямь несколько прямолинейна.

Лахман. Так и мелет без всякого разбора.

Михалина (*снова садясь*). Но ты уж очень быстро с ней расправляешься. Это не каждая потерпит, Лахман.

Лахман. Михалина, она вывела меня из себя. Хотела с тобой познакомиться, иначе я бы ее сюда не привел. Ну, а как тебе живетсЯ?

Михалина. Спасибо, хорошо. А тебе?

Лахман. По-прежнему неважно.

Михалина. Да и мне, собственно, тоже. У тебя побелели виски.

Лахман. Это пробивается глупость.

Оба смеются.

Михалина. Ты решил здесь обосноваться?

Лахман. Мне это и не снилось. Она всегда что-нибудь выдумывает и затем с абсолютной категоричностью утверждает, что это сказал я.

Пауза.

Как поживает твой брат?

Михалина. Спасибо, хорошо.

Лахман. Усердно работает?

Михалина. Напротив.

Лахман. Чем же он занимается?

Михалина. Бездельничает, конечно. Что ему еще делать?

Лахман. Почему же он не остался в Мюнхене? Он ведь там кое-что делал.

Михалина. Ты еще веришь в Арнольда?

Лахман. А что? Не понимаю. Что это за вопрос?

Михалина. Если у него и есть талант... то он его не стоит. Впрочем, переменим тему. Отец много раз спрашивал о тебе. Он будет рад повидаться с тобой. И не говоря уже лично обо мне, я рада за отца, что ты приехал. Ему необходимо рассеяться.

Лахман. И мне! И, вероятно, больше, чем ему. Кроме тебя я очень хотел бы повидать твоего отца. Что до остального, то с этим можно повременить. Но вот его картину я очень хотел бы посмотреть.

Михалина. Кто тебе о ней говорил?

Лахман. Говорят, ее купил музей.

Михалина. Директор Мюринг был здесь, но купил ли он ее — не знаю. Папа слишком щепетилен. Я сомневаюсь. Вероятно, он захочет раньше закончить ее.

Лахман. Картину ты, конечно, видала?

Михалина. Два года назад. Мне трудно судить о ней правильно. Отец работает над ней очень давно.

Пауза.

Лахман. Как ты думаешь, он мне ее покажет? Я не знаю, но мне кажется — это должно быть что-то сверхъестественное. Не знаю почему, но я верю в нее. Я ведь за это время со многими познакомился, но никто еще не пробуждал у меня такого желания заглянуть в его внутренний мир. И если я вообще еще не совсем опустил и как-то держусь, то только благодаря твоему отцу. Все, что он говорил когда-либо и делал, не забывается. Таких учителей, как он, больше нет. Я утверждаю, что тот человек, на которого твой отец имел влияние, никогда не сможет полностью опошлиться.

Михалина. Будем надеяться, Лахман. Да-да...

Лахман. Он как-то проникает до глубины души. От людей учишься тому и другому — я встречал толковых людей. Но всегда за ними для меня вставал образ твоего отца, и они не выдерживали сравнения с ним. Он нас, своих учеников, так перетряхнул, так основательно, без остатка переделал! Он вытравил из нас все мещанское, это не забудется до конца жизни. Например, кто узнал его серьезное, непреклонно серьезное отношение к искусству, тому всякие другие взгляды будут казаться поверхностными.

Михалина. Ну вот видишь, ты еще чувствуешь влияние отца, оно вошло тебе в плоть и кровь, а для меня это величайшее, единственное богатство! Он влияет даже на самых пустых дураков, но только не на Арнольда, который его никак не воспринимает. *(Встает.)* Лахман, мне пора идти исправлять рисунки. Ты улыбаешься, думаешь: исправляет, а сама по-настоящему не умеет.

Лахман. Ты, Михалина, вся в отца. Но не об этом я хотел... Представляю, как это безотрадно — возиться с рисующими дамочками.

Михалина. Ничего, кое-что сделать можно. Они честно стараются, и уж одно это примиряет. Чего больше хотеть? Добьются ли они в конце концов действи-

тельно чего-нибудь?! Само стремление к этому — уже достижение. К тому же мне, как и отцу, нравится влиять на людей, это доставляет мне радость. Занимаясь с учениками, сама молодеешь, Лахман, а это со временем становится необходимо. *(Кричит в комнаты.)* Прощай, мама, мы сейчас уходим.

Голос Арнольда, передразнивающего ее: «Прощай мама, мы сейчас уходим».

Лахман. Кто это?

Михалина. Арнольд. Он только этим и занимается. Все это совсем не весело. Идем!

Лахман и Михалина уходят. Входит Арнольд. Это некрасивый человек с черными огненными глазами. У него черные волосы и жидкая бородка. Он в очках. Держится сутуло. Цвет лица грязно-серый. Он шлепает в утренних туфлях к зеркалу. На нем лишь шюртук и брюки. Снимает очки и, корча гримасы, рассматривает прыщи на своем лице. Производит впечатление крайне неряшливого человека.

(Возвращаясь, с легким испугом.) Ах, это ты, Арнольд! Я забыла зонтик. Кстати, здесь Лахман.

Арнольд *(делает жест, призывающий ее к спокойствию)*. Мне в высокой степени наплевать на этого добропорядочного субъекта.

Михалина. Скажи мне, что тебе сделал Лахман?

Арнольд. Он как-то показывал мне свою мазню.

Михалина *(пожимая плечами, спокойно)*. Не забудь, в одиннадцать часов ты должен быть у отца.

Арнольд зажимает обеими руками уши.

И ты считаешь, что это прилично?

Арнольд. Несомненно. Лучше одолжи мне одну марку.

Михалина. Одолжить ее тебе я могу. Почему бы и нет? Только затем мне придется упрекать себя в том, что я...

Арнольд. Хватит! Проваливай! Все знают твою скупость.

Михалина хочет что-то возразить, но затем пожимает плечами и уходит. Арнольд, шлепая туфлями, подходит к столу, берет в рот кусок сахара, бросив беглый взгляд на входящую в это время фразу Крамер. Затем опять подходит к зеркалу.

Фрау Крамер (*вытирает фартуком руки и присаживается на стул, тяжело, озабоченно вздыхая*). О боже!

Арнольд (*поворачивается, сдвигает очки к кончику носа, поднимает плечи и принимает комическую позу*). Мама, похож я на марабу?

Фрау Крамер. Ах, Арнольд, мне совсем не до шуток! Я не могу смеяться над твоими глупостями. Кто открыл тебе сегодня ночью дверь?

Арнольд (*подходит к ней, продолжая «изображать марабу»*). Отец!

Фрау Крамер. Он спустился вниз на все три лестницы?

Арнольд (*продолжая паясничать, глядя поверх очков*). Да!

Фрау Крамер. Ну хватит, Арнольд! Это просто противно. Прекрати наконец свое фиглярство. Ты ведь можешь быть серьезным. Будь наконец благоразумным! Скажи мне, что сказал папа.

Арнольд. Вам всегда все противно. А ведь вы мне тоже противны, и подчас вы грубы.

Фрау Крамер. Отец был очень зол, когда открывал тебе дверь? Что он сказал?

Арнольд (*рассеянно*). Ничего.

Фрау Крамер (*подходя к нему, нежно*). Арнольд, исправься, прошу тебя. Сделай это для меня. Начни другую жизнь.

Арнольд. А как я живу?

Фрау Крамер. Ты живешь беспутно, распущенно! Целые ночи не бываешь дома. Шляешься где попало... О боже, боже! Ты ведешь ужасную жизнь, Арнольд.

Арнольд. Да не разоряйся ты так, мама! Какие у тебя еще обвинения, хотел бы я знать.

Фрау Крамер. Нечего сказать, хорошо ты обращаешься со своей матерью!

Арнольд. Ах, оставь меня, пожалуйста, в покое. Что вы вечно твякаете на меня? От этого с ума можно сойти.

Фрау Крамер. И ты называешь это — твякать, Арнольд? Когда к тебе приходят и хотят только добра? Арнольд, Арнольд, не кощунствуй.

Арнольд. Мать, все это бесполезно. Эти вечные увещевания ни к чему. К тому же у меня дико болит голова. Дай мне немного денег, а уж я посмотрю, что мне делать дальше...

Фрау Крамер. Что делать? Окончательно погубить себя.

Пауза.

Арнольд (*берет со стола булочку*). Булочка! Эта штука тверда, как камень.

Фрау Крамер. Вставай вовремя, будешь есть свежие булки.

Арнольд (*зевая*). Какой гнусно-пустой и длинный день!

Фрау Крамер. Не мудрено, когда живешь так, как ты. Спи нормально по ночам — и днем ты будешь бодрым. Нет, Арнольд, ты сегодня так от меня не уйдешь. Пожалуйста, груби мне сколько хочешь. Но я не могу больше спокойно смотреть на это.

Арнольд садится за стол.

(*Наливает ему кофе.*) Гримасничай сколько хочешь! Но я должна узнать, в чем дело? Что у тебя на душе? Я знаю тебя отлично! Что-то беспокоит и гнетет тебя. Думаешь, я не слышу, как ты вздыхаешь? Ты все время вздыхаешь, сам того не замечая.

Арнольд. О господи, вот еще наблюдатели! Черт возьми! Вы знаете, сколько раз я вздохнул, чихнул, плюнул. Прямо повеситься можно!..

Фрау Крамер. Говори что хочешь, мне это совершенно безразлично. Что я знаю, то знаю, и баста. Тебя что-то давит, Арнольд. Это же видно по твоему беспокойству. Ты всегда был нервным, но не таким, как теперь. Это я твердо знаю.

Арнольд (*ударяет кулаком по столу*). Оставьте меня в покое, мать! Понимаешь ты? Вы хотите окончательно выжить меня из дому? Какое вам дело до того, чем я занимаюсь. Я уже вышел из детского возраста. Понятно? Что я хочу, то и говорю, а чего не хочу, не скажу. Я сыт вашими нравоучениями. Вы слишком

долго мной помыкали. За вашу поддержку — спасибо. Но вы не можете мне помочь. Вы можете только кричать караул.

Фрау Крамер (*плачет*). Арнольд, ты совершил что-то дурное? Боже милостивый! Ради всего святого, Арнольд, что ты наделал?

Арнольд. Я убил старого еврея.

Фрау Крамер. Не издевайся! Не глумись надо мной! Скажи, что ты наделал. Ты ведь не злой, но иногда бываешь вспыльчивым и бешеным. И в моменты ярости ты не отдаешь себе отчета. Кто знает, какое зло ты мог натворить.

Арнольд. Мама, мама, успокойся! Я не убивал еврея. И не сбывал подложных векселей, хотя мне и очень нужны деньги.

Фрау Крамер. Нет, Арнольд, я не успокоюсь. Ты от нас что-то скрываешь! Ты не можешь смотреть прямо в глаза. И раньше ты был диким, а теперь, Арнольд, — ты сам этого не замечаешь, — ты словно меченый. Ты пьешь, а раньше ты видеть не мог пива. Ты пьешь, чтобы забыться, Арнольд.

Арнольд (*стоя у окна и барабанив пальцем по стеклу*). «Меченый!», «Меченый!» Ну, а еще что? Мне все равно, говорите что хотите. Я меченый, ты права. Но это вроде и не моя вина.

Фрау Крамер. Ты вечно гримасничаешь, грубишь, а иногда и очень глубоко обижаешь нас. Мы делали что могли. И если ты такой, каким стал сейчас... Мы должны это терпеть, так угодно господу богу.

Арнольд. Ну что же! Терпите на здоровье!

Пауза.

Фрау Крамер. Арнольд, послушай, не упрямясь! Скажи, что с тобой? Мы терзаемся дни и ночи. Ты не знаешь, как мучается отец. Я сама уже много ночей не сплю. Избавь нас от кошмара, который нас давит, мой мальчик. Быть может, ты сделаешь это одним откровенным словом. Ты слабый, я знаю...

Арнольд. Ах, мама, прекрати наконец всю эту историю! Иначе я переберусь в мастерскую, на свой чердак. И пусть я лучше окостенею там от холода! Да,

мама, со мной что-то случилось. Ладно, я не возражаю, но зачем кричать о помощи? От этого станет еще хуже.

Фрау Крамер. Арнольд, ты... Это все то же? Несколько недель тому назад ты сам себя выдал, потом старался замаять. Неужели опять у тебя что-нибудь с этой девушкой, Арнольд?

Арнольд. Мама! Ты совсем сошла с ума!

Фрау Крамер. Мой мальчик, избавь же нас хотя бы от этого! Не впутывайся еще и в любовные истории. Брось ты эту тварь, она втянет тебя в грязь. Я знаю, как велик соблазн. Такие ловушки встречаются на каждом шагу. Когда там проходишь мимо, слышно, как шумят эти банды. А полиция все терпит. Если ты не послушаешься матери, ты погибнешь. Преступления совершаются ведь ежедневно.

Арнольд. Пусть кто-нибудь попробует меня тронуть, мать. *(Хватается за карман брюк.)* На этот случай я обеспечен...

Фрау Крамер. Что это значит?

Арнольд. Что я готов ко всему. Для этого, слава богу, существуют средства.

Фрау Крамер. Неужели тебе не отвратительно это брэнчание на рояле, красные фонари, вся эта подлая, омерзительная атмосфера?! Арнольд, когда я только подумаю, что ты проводишь там ночи, в этих вертепах, в этих грязных притонах, я готова умереть.

Арнольд. Мама, я хотел бы, чтобы скорее кончился этот день! Вы делаете из меня дурака. У меня уши вянут. Я все время должен сдерживаться, иначе я сбегу. Куплю себе рюкзак, мама, и буду вас всех таскать с собой.

Фрау Крамер. Хорошо. Только вот что я тебе скажу: сегодня вечером ты не выйдешь из дома.

Арнольд. Нет. Или я уйду сейчас, мама.

Фрау Крамер. Ты пойдешь в одиннадцать часов к отцу, а затем вернешься домой.

Арнольд. Вот еще! И не подумаю!

Фрау Крамер. Куда же ты пойдешь?

Арнольд. Еще не знаю.

Фрау Крамер. Значит, ты к обеду не вернешься домой?

Арнольд. Чтобы смотреть на ваши кислые физиономии за столом? Нет. Ведь я ничего не ем, мама.

Фрау Крамер. Вечером ты опять собираешься уйти?

Арнольд. Я живу и делаю все, что мне нравится.

Фрау Крамер. Ладно, мой мальчик. Нам придется поссориться. Но все равно я пойду по твоим следам. Я не успокоюсь, будь уверен. И если я обнаружу эту тварь, то, бог свидетель, я передам ее в руки полиции.

Арнольд. Лучше не делай этого, мама.

Фрау Крамер. Напротив. Я все расскажу отцу. А он-то заставит тебя образумиться. Пускай он только заметит что-нибудь, и ты его не узнаешь.

Арнольд. Говорю тебе — не делай этого. Ты же знаешь, я затыкаю себе уши, как только отец выходит из себя. Это не производит никакого впечатления. О боже, какими чужими вы мне стали. Скажи, что надо мне здесь?

Фрау Крамер. Как так?

Арнольд. Да так! Что мне здесь, собственно, надо, мать?.. Михалина, отец, ты — что вы все хотите от меня? Какое мне дело до вас всех?

Фрау Крамер. Как? Что?

Арнольд. Да. Чего же вы хотите?

Фрау Крамер. Ты говоришь возмутительные вещи.

Арнольд. Да-да, возмутительные. Пусть будет так. Но это правда, мать! Я не вру. Я говорю вам, что вы не можете мне помочь. И если вы еще будете мне надоедать, то произойдет то, мама, отчего вы все рты разинете. Вот тогда моя бедная душа успокоится.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Мастерская Михаэля Крамера в художественной школе. Рабочая часть мастерской скрыта за затянутой серой занавеской. Справа от занавески дверь, к которой ведут несколько ступенек вверх. Там же на переднем плане старый кожаный диван; перед ним маленький столик, покрытый скатертью. Слева большое окно, которое продолжается за занавеской. Под окном маленький столик; на нем инструменты для гравирования и начатая гравюра. На столике перед диваном письменные принадлежности, бумаги, старый подсвечник со свечкой. На голубовато-серой стене над диваном висят гипсовые слепки: рука, нога, женский торс, посмертная маска Бетховена. Над занавеской, которая на одну треть не доходит до потолка, виднеется верхушка большого мольберта. Над диваном газовый рожок. Обстановку дополняют два простых плетеных стула. Всюду царят чистота и педантичный порядок. Михаэль Крамер сидит на диване и, вздыхая, подписывает бумаги; около него, с шапкой в руках, ждет слугитель Краузе, крупный, дородный мужчина. Крамеру за пятьдесят лет; в его черных волосах и бороде много седины. Он сутулится; шея его согнута, будто под ярмом. Глубоко сидящие глаза горят беспокойным темным блеском. Лицо бледное и задумчивое. У него длинные руки и ноги; походка его некрасива: делает чересчур большие шаги. Часто вздыхает. В манере говорить есть что-то невольное сердитое. Он носит старую обувь, потерявшую форму, но начищенную до блеска. При ходьбе заметно выворачивает носки наружу. На нем черный сюртук, черный жилет, черные брюки, рубашка с отложным старомодным воротничком и черный галстук бабочкой — все в безукоризненном порядке. Манжеты он положил на подоконник. В целом это странная, значительная, на первый взгляд скорее отталкивающая, чем привлекательная фигура. Перед окном слева, спиной к комнате, стоит Лахман. Он выжидательно смотрит в окно.

Крамер (Лахману). Видите, занимаемся пустяками. (К Краузе.) Все. Кланяйтесь директору. (Встает. Складывает бумаги, передает их Краузе; затем восста-

навликает порядок на столике. Лахману.) Вы, конечно, засмотрелись на мои тополя?

Лахман (взглянув на гравюру, выпрямляется с легким испугом). Извините.

Краузе. Всего доброго, господин Крамер. — Всего доброго, господин Лахман.

Лахман. До свидания, господин Краузе.

Крамер. Храни вас бог!

Краузе уходит.

Пять лет назад меня посетил Бёклин. Знаете, он стоял у окна и не мог насмотреться досыта.

Лахман. Тополя действительно чудесны. Они меня поразили еще много лет назад, когда я в первый раз приехал к вам. Они так величественны. А школа — это просто храм.

Крамер. Ну, знаете, вы заблуждаетесь.

Лахман. Возможно, но только отчасти. А я и не знал, что Бёклин был здесь.

Крамер. Им тогда пришла в голову мысль поручить ему роспись лестничной клетки в местном музее. А потом это сделал какой-то профессор! Слушайте, как много у нас делают ошибок.

Лахман. Да, в этом смысле у нас ошибаются сверх всякой меры.

Крамер. Знаете, всегда было так. Но теперь это особенно обидно. Какие сокровища можно было бы накопить сейчас при таких колоссальных тратах на роскошь, но самые талантливые остаются в стороне.

Лахман взял в руки гравюру.

(Наблюдая за ним, продолжает.) Это моя работа. Но доска была недостаточно хорошо отполирована. Да и работа как-то не клеится. Но я по-настоящему еще доберусь до нее.

Лахман. Я тоже как-то пробовал гравировать, но скоро забросил это.

Крамер. А что вы вообще делаете, Лахман?

Лахман. Я? Портреты, пейзажи, разное... Многое, к сожалению, не удалось.

Крамер. Надо работать, работать и работать!

Слышите, Лахман? Мы должны работать. Иначе мы заплесневедем заживо. Взгляните на жизнь такого человека, как Бёклин. Как он работает! Только тогда что-нибудь и получается — дело ведь не только в живописи, но и в человеке. Слушайте, Лахман: работа — это жизнь.

Лахман. Я это прекрасно знаю.

Крамер. Вне работы я жалкое ничтожество. И только в работе я нечто.

Лахман. Я, к сожалению, зря трачу время, а для настоящего дела нет времени.

Крамер. Как это так?

Лахман. Потому что я занят другим — работой, которая, в сущности, не работа.

Крамер. Послушайте, как это понять?

Лахман. Я был раньше художником и больше ничем. Теперь я вынужден выколачивать строки.

Крамер. Что это значит?

Лахман. Я пишу для газет.

Крамер. Вот как!

Лахман. Другими словами, господин Крамер, все свое драгоценное время я трачу на то, чтобы заработать себе на кусок черствого хлеба; на масло мне, по правде говоря, не хватает. Но когда имеешь жену и семью...

Крамер. Человек должен иметь семью, Лахман. Это правильно, так должно быть! Что же касается вашего сочинительства, то пишите, но только добросовестно! У вас есть чувство настоящего. Вы можете быть очень полезным.

Лахман. Но это сизифов труд! Читающую публику не переделаешь. Ежедневно вкатываешь на гору сизифов камень...

Крамер. Послушайте, а чем же мы были бы без этого?

Лахман. В конце концов, приходится приносить себя в жертву. И если я не преуспел в живописи, то...

Крамер. Слушайте, это безразлично! Если бы мой сын был сапожником и, работая, выполнял свой долг, я все равно уважал бы его. У вас есть дети?

Лахман. Да. Один сын.

Крамер. Но тогда, послушайте, вы кое-что сдела-

ди. Лучше нельзя ничего сделать. И ваши статьи должны идти как по маслу, слышите?

Лахман. Как раз этого я никак не могу сказать, господин Крамер.

Крамер. Обязанности, обязанности — это самое главное. Только они делают нас настоящими людьми, слышите? Надо познать жизнь во всей ее серьезности, а затем надо уметь подняться над ней.

Лахман. Но иногда это бывает нелегко.

Крамер. Послушайте, это может быть трудно. Но тут только и видишь, чего стоит каждый человек. Только полнейшие бездельники полагают, что жизнь — это ложе потаскухи. Настоящий человек должен сознавать, что у него есть обязанности.

Лахман. И главные — по отношению к самому себе.

Крамер. Да, вы, пожалуй, правы. Кто признает свои обязанности по отношению к себе, тот признает их и по отношению к другим. Сколько лет вашему сыну?

Лахман. Три года, господин Крамер.

Крамер. Слушайте, когда мой мальчик появился на свет — а желание иметь сына буквально гвоздем за село мне в голову, я ждал его целых четырнадцать лет... — словом, когда жена родила Арнольда, слышите, я дрожал от радости. Я сам пеленал его, я запирался с ним в моей келье, и это был мой храм, Лахман, он был моим богом. Вы ведь не знаете, что это такое — сын! Я знал это, видит бог. Я думал: не я, так он! Мне не удалось, так, возможно, это удастся тебе. *(С горечью.)* Мой сын стал шалопаем, видите ли, Лахман, — и все же я бы снова поступил точно так же.

Лахман. Господин Крамер, это же, наверно, не так.

Крамер *(возбуждаясь все более, яростно)*. Оставьте меня в покое, слышите. Он лодырь, и все! Давайте лучше не говорить об этом. Вот что я скажу вам, Лахман: он червь, который точит мою жизнь. Но оставим это!

Лахман. Все это, наверно, еще изменится.

Крамер *(еще более возбуждаясь, с горечью и яростью)*. Ничего не изменится! Ничего не изменится!

Ни одной хорошей жилки в нем нет. У этого мальчика червоточина внутри. Плохой он человек! Подлый человек! Это не изменится, не может измениться! Слушайте, я могу все простить, кроме подлости, — ее я не прощаю! Мне отвратительна низкая душа; а у него низкая, трусливая и подлая душонка, и мне она противна. (*Подходит к простому, выкрашенному в серый цвет стенному шкафу.*) У этого подлеца столько таланта, что я готов на себе рвать волосы. Там, где любой из нас должен трудиться день и ночь, — ему все валится прямо с неба. Посмотрите — вот его наброски, этюды. Разве это не несчастье, слышите? Если бы он работал, что бы получилось? Все, что он начинает, все ладится. Видите, он попадает в точку! Все выходит! Остается только лить слезы. (*Ходит по комнате взад и вперед.*)

Лахман рассматривает наброски и этюды. Стучат.

Войдите!

Входит Михалина, в costume.

Михалина. Отец, я зашла только за Лахманом.

Крамер. (*поверх очков*). А школу ты бросила на произвол судьбы?

Михалина. Я уже проверила работы. Лахман, я встретила твою жену. Она предпочла пойти к твоей матери, чем торчать в кафе.

Лахман и Михалина смеются.

Крамер. Почему ты не привела ее сюда?

Лахман. Она еще не доросла до понимания живописи.

Крамер. Глупости! Что это значит? Не понимаю.

Михалина (*подошла к Лахману и из-за его спины смотрит этюд, который он рассматривает*). Эту мельницу я тоже когда-то рисовала.

Крамер. Гм-гм, но иначе.

Михалина. Я писала в другой манере.

Крамер. Я считаю, что и получилось по-другому.

Лахман смеется.

Михалина. Меня, отец, этим не сразишь. Когда делаешь то, что можешь, то нельзя требовать большего.

Крамер. Девочка, ты же знаешь, как обстоят дела.

Михалина. Конечно, знаю и очень точно! Ты ни во что меня не ставишь.

Крамер. Послушай, откуда ты это берешь? Если бы Арнольд был хоть наполовину так прилежен, как ты, и его черепная коробка была хоть наполовину такой, как у тебя, то из парня вышел бы большой человек, не чета тебе. Да! У него есть искра, которой у тебя нет! Человек должен всегда трезво судить о себе. Ты это знаешь, и в этом твое преимущество. Потому с тобой можно говорить. Всего, чего можно добиться упорством, прилежанием и волей, ты, Михалина, достигла и можешь быть этим довольна. *(Смотрит на карманные часы.)* Уже десять! Ну, Лахман, теперь нам больше ничего не удастся сделать. Я рад, что вы приехали. Я как-нибудь охотно схожу с вами выпить стакан пива. Сейчас мне нужно еще раз заглянуть в класс, а в одиннадцать часов я назначил прийти сыну.

Михалина *(серьезно)*. Отец, ты не покажешь Лахману свою картину?

Крамер *(быстро оборачивается)*. Нет, Михалина. А что?

Михалина. Очень просто: он слышал о ней и сказал мне, что хотел бы ее посмотреть.

Крамер. Оставьте меня с этим в покое. Все они приезжают и хотят посмотреть мою картину. Пишите сами сколько хотите картин! Я не могу показать вам мою картину, Лахман.

Лахман. Господин Крамер, я, конечно, не настаиваю...

Крамер. Это, видите ли, свыше моих сил! Уже семь лет я живу своей картиной. Михалина один раз видела ее, а сын ни разу ею даже не поинтересовался. А тут еще приезжает сюда директор Мюринг. Ну я просто не могу! Слышите? Если все будут хотеть пробраться в постель к вашей любовнице, то это ведь будет свинством и может отбить у вас всякое желание. Нет, Лахман, это не выйдет. Я этого не могу сделать.

Михалина. Отец, я не понимаю этого сравнения. Этот вид скромности кажется мне слабостью.

К р а м е р. Можешь думать об этом все, что тебе угодно. Но заметь, что я тебе скажу: искусство рождается только в уединении! Все глубокое, настоящее, сильное, самобытное рождается только в одиночестве. Настоящий художник всегда отшельник. Так! А теперь ступайте и оставьте меня в покое.

М и х а л и н а. Жаль, папа! Мне очень обидно. Меня удивляет, что ты отгораживаешься даже от Лахмана. Ты уклоняешься от всякого внешнего воздействия, но, говоря честно, ты стал бодрее после посещения нового директора Мюринга. Ты должен сознаться, что совсем ожил.

К р а м е р. Еще ничего не завершено, еще ничего нет. Послушайте, не мучьте меня. Сначала нужно закончить, а потом показывать. Вы думаете, я шучу? Слушайте, если кто-нибудь дерзнет написать человека в терновом венке, ему для этого нужна целая жизнь. Слышите, нелегкая жизнь: одинокие часы, одинокие дни, одинокие годы. Слушайте, ему нужно быть наедине со своими страданиями и со своим богом. Ему нужно ежедневно освящать себя. Ничего пошлого не должно быть в нем, ничто пошрое не должно касаться его. Когда вы в одиночестве добиваетесь и ищете, на вас нисходит божественная благодать. Тогда все принимает форму, и вы чувствуете ее, и приходит успокоение, и перед вами — вечность, покой и красота. И все это приходит само собой... Вот тогда видишь спасителя и чувствуешь его. Но когда хлопают двери, Лахман, тогда перестаешь видеть и чувствовать. Все уходит далеко от вас, совсем далеко.

Л а х м а н. Господин Крамер, мне, право, очень жаль, что...

К р а м е р. Ах, дело не в жалости, а в том, что каждый должен заботиться сам о себе. Место, где ты работаешь, священно, это нужно сказать себе самому. А все прочие уходите вон и не мешайте! Понятно? В рыночной суматохе хватит места для всех вас. Искусство — это религия. Когда ты молишься, иди в свою каморку. Торговцы и менялы — вон из храма! *(Поворачивает ключ входной двери.)*

М и х а л и н а. Но мы же не менялы и не торговцы.

К р а м е р. Конечно, нет. Упаси боже, нет, и все

Таки... Это свыше моих сил. Я хорошо понимаю Лахмана. Он хочет посмотреть, что за этим скрывается. Он всегда слышал только громкие слова, и ему захотелось хоть раз в чем-то самому убедиться. За этим ничего не кроется, говорю я ему. Со стариком ничего не произошло. Ему иногда удается видеть, иногда чувствовать. Тогда он берет шпатель и счищает все.

Стучат.

Стучат. Может быть, когда-нибудь попозже, Лахман. --- Войдите! — Я все сказал. Слышите, стучат! --- Войдите же!

Михалина. Ты закрыл дверь на ключ, отец.

Крамер. Я? Когда?

Михалина. Сейчас. Сию минуту, когда ты ходил по комнате.

Крамер. Отопри и посмотри, кто там.

Михалина (*слегка открывает*). Какая-то дама, папа.

Крамер. Наверно, натурщица. Мне не требуется.

Лиза Бенш (*за дверь*). Могу я поговорить с господином профессором?

Михалина. Простите, что вам угодно?

Лиза Бенш. Я хочу лично поговорить с господином профессором.

Михалина. Каким профессором?

Крамер. Скажи ей, что здесь не живет никакой профессор.

Лиза Бенш. Разве здесь не живет профессор Крамер?

Крамер. Крамер — я. Войдите.

Входит Лиза Бенш. Это стройная, красивая женщина, расфранченная, как кокетка.

Лиза Бенш. Простите, я взяла на себя смелость...

Крамер. Ступайте в музей, дети! Вы ведь собирались? Лахман, я жду вас в двенадцать часов. (*Провожает Лахмана и Михалину к двери.*)

Лахман и Михалина уходят.

С кем имею честь? Я к вашим услугам.

Лиза Бенш (*не без смущения, но с большим жеманством*). Господин профессор, я Лиза Бенш. Я пришла по одному щекотливому делу.

Крамер. Пожалуйста, садитесь. Вы натурщица?

Лиза Бенш. О нет, господин профессор, вы ошибаетесь. Я, слава богу, могу обойтись без этого. Слава богу, господин профессор, я не натурщица.

Крамер. А я, фрейлейн, слава богу, не профессор. Чем обязан чести видеть вас?

Лиза Бенш. Вы хотите, чтобы я вам так сразу и сказала, напрямик? Вы разрешите мне немного перевести дух, не правда ли? Я ведь очень взволнована. Когда я была внизу, я даже хотела вернуться, но в конце концов собралась с духом.

Крамер. Пожалуйста, как вам угодно.

Лиза Бенш (*садится, кашляет, слегка вытирает платком под вуалеткой накрашенное лицо*). Нет, как вы могли только подумать! Хорошо, что Георг не слышал этого. Он мой жених и служит в суде; он так легко выходит из себя. Неужели я действительно похожа на натурщицу?

Крамер (*поправляет оконную занавеску*). Это зависит от того, кто собирается писать вас! При известных условиях все могут быть натурщиками! Если вы полагаете, что это позор, то вы ошибаетесь.

Лиза Бенш. Знаете что: я вас боюсь. Не сердитесь на меня, господин Крамер, но я по-настоящему боюсь вас.

Крамер. Короче говоря, в чем дело?

Лиза Бенш. Я столько расспрашивала о вас, и все вели себя так, будто вы — бог знает кто, сам дьявол или что-то в этом роде.

Крамер. Премного вам благодарен! Что же вам угодно? Я могу заверить вас, что здесь с вашей головы не упадет ни один волос.

Лиза Бенш. Арнольд тоже так боится вас.

Крамер (*удивленно и озадаченно*). Арнольд? Что это значит? Как вы сказали?

Лиза Бенш (*испуганно встает*). Ах, как вы смотрите, господин Крамер! Нет, лучше я поскорей уйду. Арнольд тоже всегда так смотрит и...

Крамер. Арнольд? Я такого не знаю.

Лиза Бенш (*испуганно, но успокоительно*). Господин Крамер, прошу вас, я больше ничего не буду... На этом все дело закончится. Ведь я здесь потихоньку от родителей; это, так сказать, щекотливое дело. Лучше я совсем не буду говорить.

Крамер (*с трудом успокоившись*). Я вижу вас сегодня в первый раз. Поэтому вы должны меня великодушно простить. У меня есть сын, которого зовут Арнольд. И если вы говорите об Арнольде Крамере...

Лиза Бенш. Ну, конечно, я говорю об Арнольде Крамере.

Крамер. Хорошо. Это... меня не удивляет. Итак, что вы можете о нем сообщить?

Лиза Бенш. Ах! Он глупый, сумасшедший и не даст мне покоя.

Крамер. Гм! Так! Но в чем? Что вы хотите сказать?

Лиза Бенш. Он делает из меня посмешище. Я никак не могу его образумить.

Крамер. Да? Охотно верю, что это трудно.

Лиза Бенш. Я сказала ему: уходи домой, Арнольд. Но он не уходит. Он торчит всю ночь.

Крамер. Значит, он и эту ночь был у вас?

Лиза Бенш. Никому не удастся сдвинуть его с места. Папа пробовал, мама пробовала, наши постоянные посетители пробовали, я сама пробовала, и все напрасно. Он сидит и все время тарашит глаза, вот как вы! Пока не уйдет последний посетитель, он не двинется и не сойдет с места.

Крамер. Ваш отец владелец трактира?

Лиза Бенш. Ресторана.

Крамер. А кто эти постоянные посетители?

Лиза Бенш. Ассессор Шнабель, архитектор Цин, мой жених и еще несколько человек.

Крамер. И они тоже старались, как говорится, выпроводить его?

Лиза Бенш. Они его зовут Марабу. (*Смеется.*) Это такая птица, знаете. Они говорят, что он очень похож на марабу. Наверно, потому, что он немного сутулый...

Крамер. Да-да, совершенно верно. Эти ваши постоянные посетители, видимо, очень веселые люди?

Лиза Бенш. Верно! Просто со смеху можно умереть. Такая умора иногда, что не передашь. Потрясающе, скажу я вам. Арнольд всегда ест очень много хлеба. У нас хлеб стоит на всех столах — ешь даром сколько хочешь. Вот они на днях подвесили хлебную корзинку над местом, где он всегда сидит. Понимаете? Сверху, с потолка, так, что снизу не достанешь. Все заведение чуть не лопнуло от смеха.

Крамер. И мой сын сидит с ними за одним столом?

Лиза Бенш. Ну, нет! Этого мой жених никак не потерпит. Он всегда торчит один. Но иногда Арнольд достает листочек бумаги и начинает при этом как-то лукаво коситься на них. Это господам не нравится. И один из них раз даже встал и потребовал от него объяснений.

Крамер. Они считают, что он не имеет права рисовать?

Лиза Бенш. Конечно, потому что он рисует карикатуры. Разве это можно позволить, господин Крамер? Он показал мне один рисунок: маленькая собачонка и много больших. Это было подло... ужасно подло!..

Крамер. Арнольд платит за то, что он у вас ест?

Лиза Бенш. О да! Я не потому здесь. Он пьет две, самое большее три кружки пива, и если бы ничего другого не было, господин Крамер...

Крамер. Значит, у вас, как говорится, добрая душа. Если я правильно понимаю вас, фрейлейн, то мой сын в вашем ресторане, так сказать, нечто вроде шута, от которого вы хотели бы отделаться. Думаю, я не ошибусь, если выскажу предположение, что едва ли моего сына привлекают ваши постоянные посетители, безусловно высокоуважаемые господа, или хлеб и пиво вашего достойного отца...

Лиза Бенш (*кокетливо*). Но я действительно здесь ни при чем.

Крамер. Да-да, конечно, вы ни при чем. Но ведь и я тоже — при чем я во всей этой истории?

Лиза Бенш. Господин Крамер, я так боюсь его! Он поджидает меня на всех углах, и я после этого никак не могу от него избавиться. У меня такое чувство, клянусь вам богом, что он может мне что-нибудь сделать.

Крамер. Гм! Разве он когда-либо вам угрожал?

Лиза Бенш. Нет-нет! Этого я не могу сказать. И все же есть в его поведении что-то... Когда я на него смотрю, мне иногда становится страшно. Он сидит задумавшись... сидит целыми часами и слова не вымолвит, будто он не в себе. И так продолжается полночи... А иногда он рассказывает свои истории. Он несет такие безумные вещи... Ох! И, знаете, он при этом так на меня глазает...

Крамер. У вас нет к нему никакого доброго чувства?

Звонок.

Лиза Бенш. Ах ты, господи! Конечно, нет!

Крамер. Хорошо. Вы хотите здесь встретиться с Арнольдом?

Лиза Бенш. Упаси боже! Ни в коем случае!

Крамер. Сейчас ровно одиннадцать, и раздался звонок. На одиннадцать часов я его вызвал. *(Открывает дверь в боковой кабинет.)* Прошу вас, войдите сюда. Могу вас заверить — все, что зависит от меня, будет сделано.

Лиза Бенш идет в кабинет. Крамер открывает входную дверь и впускает Арнольда. Его лицо обрюзгло, на нем выражение упрямства, отвращения и страха.

Подожди здесь. Я сейчас приду. *(Уводит Арнольда за занавеску, снова задергивает ее и открывает дверь кабинета.)*

Выходит Лиза. Крамер прикладывает палец к губам, указывает на занавеску. Она делает то же. Он ведет ее к выходу и открывает дверь. Лиза быстро выскальзывает.

(Продолжает стоять, вздыхает; хватается за голову и начинает ходить взад и вперед. Видно, что ему стоит большого усилия воли подавить глубокое волнение и

совладать с кашлем. После нескольких приступов от-дергивает занавеску.) Арнольд, я хотел с тобой погово-рить.

Медленно входит Арнольд. У него яркий галстук, с претензией на франтовство.

Как ты расфуфырился.

Арнольд. Чем это?

Крамер. Я говорю о твоём красном галстуке.

Арнольд. Ну так что же?

Крамер. Это непривычно для тебя! Ты хорошо сделаешь, если бросишь это, Арнольд. Твои наброски готовы?

Арнольд. Какие, отец? Я ничего не знаю!

Крамер. Гм! Разве можно забывать об этом? Так-так! Ну, если тебя не очень затруднит, быть может, ты будешь любезен вспомнить...

Арнольд. Ах да, для столяра... Ты это имеешь в виду?

Крамер. Да, хотя бы и для столяра! Не важно, кто он такой. Значит, ты ничего не успел? Послушай, скажи прямо... нет, не подыскивай выражений. Что же ты делаешь целыми днями?

Арнольд *(с деланным удивлением)*. Я работаю, отец.

Крамер. Над чем же ты работаешь?

Арнольд. Рисую, пишу... делаю то же, что все.

Крамер. Я думал, ты только зря небо коптишь. Я рад, если ошибся. Впрочем, мне тебя больше нечего опекать. Ты достаточно взрослый, а я слезкой не занимаюсь. Но я хотел тебе, кстати, сказать: если тебя что-нибудь гнетет... то ведь я как-никак твой отец. Понимаешь? Прошу тебя не забывать об этом.

Арнольд. Но, папа, меня ничто не гнетет.

Крамер. Я этого не говорю. Я вообще ничего не утверждаю. Я только сказал: если тебя что-то гнетет, я, может быть, смогу тебе помочь. Я ведь знаю жизнь больше, чем ты... На всякий случай! Понимаешь? Прошлую ночь ты опять не был дома. Ты губишь себя! Ты заболеешь. Береги свое здоровье. Здоровое тело — здоровый дух! Здоровая жизнь — здоровое искусство. Где же

ты вчера так долго пропадал?.. Ладно, бросим. Это меня не касается. Если не хочешь говорить, я не хочу знать. Говори, если хочешь, или молчи.

Арнольд. Я был за городом вместе с Альфредом Френкелем.

Крамер. Ах, так? А где же? В Пиршаме или где-нибудь еще?

Арнольд. Нет, в Шейтнице и в окрестностях.

Крамер. Вы оба провели там всю ночь?

Арнольд. Нет, потом мы были у Френкеля дома.

Крамер. До четырех часов утра?

Арнольд. Почти до четырех. Потом мы шатались по городу.

Крамер. Так! Ты и Френкель?! Вдвоем? У вас такая тесная дружба? Что вы делаете в то время, когда все давно спят?

Арнольд. Мы курим и говорим об искусстве.

Крамер. Так?! Арнольд, ты — погибший человек!

Арнольд. Почему?

Крамер. Ты — погибший человек. Ты вконец испорчен!

Арнольд. Ты мне это уже не раз говорил.

Крамер. Да-да. Пришлось говорить. Я должен был сотню раз говорить тебе это, но еще хуже, что я это чувствовал. Арнольд, докажи мне, что я ошибаюсь. Докажи, что я несправедлив к тебе. Я готов тебе ноги целовать за это.

Арнольд. Я говорю то, что хочу, я полагаю...

Крамер. Что? Что ты испорчен?

Арнольд, очень бледный, пожимает плечами.

Что же из тебя выйдет, если это так?

Арнольд (*холодно и враждебно*). Этого я и сам не знаю, отец.

Крамер. А я знаю: ты погибнешь! (*Порывисто ходит по комнате, останавливается у окна; руки за спиной, нервно ударяет ногой.*)

Арнольд пожимает плечами; его бледное лицо искажено злобой; он берет шляпу и идет к двери. Берется за ручку двери.

Крамёр (*оборачивается*). Тебе больше нечего мне сказать?

Арнольд опускает руку и смотрит исподлобья. Выражение его лица упрямо.

Арнольд, неужели в тебе ничего не шевельнулось? Неужели ты не чувствуешь, что мы страдаем, мучаемся? Скажи что-нибудь, защищайся! Поговорим как мужчина с мужчиной. Поговорим как товарищ с товарищем. Я был к тебе несправедлив? Докажи мне! Говори! Ты же можешь говорить, как все мы? Почему ты всегда пресмыкаешься передо мной? Я презираю трусость, ты это знаешь. Скажи: мой отец тиран, мой отец терзает меня, мой отец мучает меня; он, как дьявол, ходит всюду за мной по пятам. Скажи это, скажи ему прямо в лицо. Скажи, как мне исправиться! И я исправлюсь, честное слово. Или ты полагаешь, что я во всем прав?

Арнольд (*удивительно спокойно и безразлично*). Быть может, ты и прав.

Крамёр. Хорошо. Если я прав, почему ты не пробуешь исправиться? Арнольд, я протягиваю тебе руку. Возьми ее, вот она. Я хочу помочь тебе. Станем друзьями, товарищами в этот роковой час. Этот час наступил. Не обманывай себя. Возьми себя в руки, пересиль себя. Тебе нужно только захотеть, тогда все будет. Сделай первый шаг к добру, а второй и третий пойдут уже сами. Да? Хочешь? Хочешь исправиться, Арнольд?

Арнольд (*с деланным удивлением*). Но как? В чем?

Крамёр. Во всем. Да?

Арнольд (*с горечью, уклончиво*). Я не возражаю. Почему же нет? Мне и самому не сладко в своей шкуре.

Крамёр. Верю, что не сладко. У тебя нет радости труда. Эту радость, знай, надо завоевать. Ты намекаешь на свою внешность? (*Берет маску Бетховена.*) Вот, посмотри на этот слепок! Ведь и ты же создан по подобию божию, вызови из недр своей души все лучшее, что в тебе есть. Ты, может быть, думаешь, что он был красив? Или все твое честолюбие сводится к тому, чтобы стать фатом? Или, быть может, ты полагаешь, что

счастье отвернулось от тебя, потому что ты близорукий и сутулый? В тебе, может быть, столько духовной красоты, что франты рядом с тобой будут казаться нищими. Вот моя рука, Арнольд. Слышишь? Доверься мне на этот раз. Не скрытничай, будь со мной откровенным ради себя. Мне не важно, Арнольд, где ты был вчера, но скажи мне это. Слышишь, скажи для себя. Быть может, ты поймешь, какой я на самом деле. Итак, где ты был вчера ночью?

Арнольд *(после продолжительной внутренней борьбы, очень бледный)*. Отец, я уже сказал тебе.

Крамер. Я забыл, что ты мне сказал! Итак, где ты был? Пойми меня! Я спрашиваю не за тем, чтобы тебя упрекать. Лишь во имя правды спрашиваю я. Докажи, что ты правдив, и больше ничего.

Арнольд *(насупившись, упрямо)*. Я был у Альфреда Френкеля!..

Крамер. Так!

Арнольд *(неуверенно)*. Где же мне еще быть?

Крамер. Ты не мой сын! Ты не можешь быть моим сыном! Ступай! Ступай! Мне противно! Ты мне противен!

Арнольд крадучись уходит.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Ресторан Бенша. Маленькая пивная в древнегерманском стиле. На стенах панель. Столы и стулья из мореного дерева. Слева чистая стойка с мраморной доской и до блеска начищенными пивными кранами. За стойкой горка для бутылок ликера и т. п. и четырехугольное, закрывающееся окошечко в кухню. Слева от стойки дверь в хозяйственные помещения.

Большое окно с опрятными занавесками. Рядом с ним стеклянная дверь на улицу. Справа дверь в соседнюю комнату. Вечер. Сумерки. Лиза Бенш, красиво и аккуратно одетая, в белом переднике, медленно выходит из двери позади стойки. Оторвавшись на миг от своего вязанья, она замечает Арнольда, который сидит за столиком справа; перед ним стакан пива. Лиза продолжает вязать, покачивая головой.

Арнольд (*очень бледный, тихо и нервно постукивает ногой, выжидательно глядя на нее*). Добрый вечер!

Лиза Бенш демонстративно вздыхает и отворачивается.

(*Подчеркнуто.*) Добрый вечер!

Лиза не отвечает.

Если не желаете — пожалуйста, не надо. Я не настаиваю. (*Продолжает молча, с лихорадочным возбуждением смотреть на нее.*) Зачем вы вообще держите лавочку, если так невежливы с посетителями?

Лиза Бенш. Я вовсе не невежлива. Оставьте меня в покое.

Арнольд. Я сказал вам: добрый вечер!

Лиза Бенш. Я вам ответила.

Арнольд. Это неправда!

Лиза Бенш. Вот как! А впрочем, меня это не трогает.

Пауза.

Арнольд с помощью резинки пускает в Лизу бумажную стрелу.
Лиза Бенш высокомерно и презрительно пожимает плечами.

Арнольд. Вы думаете, что это производит впечатление?

Лиза Бенш. Я думаю что хочу.

Арнольд. Я плачу за пиво, как все. Вы меня понимаете? Я не разрешаю так говорить со мной. Или сюда надо являться в монокле? Кто они вообще, эти посетители вашего прекрасного заведения? Вы думаете, что я удеру от этих обывателей? И не подумаю!

Лиза Бенш (*с угрозой*). Смотрите не заходите слишком далеко.

Арнольд. Ага! Пусть кто-нибудь только решится. Он удивится, понимаете? Если он вообще будет еще в состоянии удивляться.

Лиза Бенш смеется.

Если кто-нибудь на меня нападет, то раздастся такой треск... понятно?

Лиза Бенш. Арнольд, я донесу на вас, если вы мне будете угрожать такими вещами.

Арнольд. Пожалуйста. Я сказал, что если кто-нибудь на меня нападет, то так дам в морду, что затрещит.

Лиза Бенш. Не оскорбляйте наших посетителей.

Арнольд (*злобно посмеивается про себя. Пьет*). Ничтожества! Какое мне дело до этих ничтожеств?!

Лиза Бенш. А кто вы такой, чтобы так возноситься? Скажите, что вы создали?

Арнольд. Этого вам, к сожалению, не понять.

Лиза Бенш. Вот как?! Да любой это может сказать! А вы ступайте сделайте что-нибудь, покажите, на что вы способны, а потом набрасывайтесь на других.

Пауза.

Арнольд. Лиза, выслушайте меня. Я хочу вам объяснить по-настоящему.

Лиза Бенш. Ах, да что там! По-вашему, все ничтожество. Господин Квантмейер не настоящий юрист, господин архитектор Цин не архитектор. Все это просто глупость!

Арнольд. Напротив! Это чистая правда. Здесь этот горе-архитектор может важничать, хотя он и малейшего понятия не имеет об искусстве. Среди художников он просто сапожник.

Лиза Бенш. Может быть, вы художник? (*Соболезнуя.*) Великий боже!

Арнольд. Да, я художник! Настоящий художник! Зайдите хоть раз в мою мастерскую.

Лиза Бенш. Увольте, сударь.

Арнольд. Поезжайте в Мюнхен и расспросите тамошних профессоров. Это мировые знаменитости. Там вы услышите, черт возьми, как они меня уважают.

Лиза Бенш. Это вы хвастун, а не господин Цин...

Арнольд. Они уважают меня и знают, за что. Мой мизинец стоит больше, чем весь этот сброд, взятый вместе. В десять тысяч раз больше. Включая и моего собственного отца.

Лиза Бенш. Это вы хвастун, а не господин Цин. Если бы вы были действительно так знамениты, то вы бы и выглядели иначе.

Арнольд. Как так?

Лиза Бенш. Как? Да очень просто: знаменитые художники зарабатывают деньги.

Арнольд (*вспыльчиво*). Деньги! Разве я не зарабатываю деньги? Деньги для меня — навоз. Спросите моего отца. Честное слово, ступайте и спросите.

Лиза Бенш. Куда же вы их деваете, эти большие деньги?

Арнольд. Я? Подождите только, пока я стану совершеннолетним. Мой отец такой скряга. Лиза, да будьте вы хоть немного разумнее.

Лиза Бенш. Фриц!

Входит заспанный Фриц.

Фриц. Слушаю!

Лиза Бенш. Фриц! Сходите на кухню, Фриц! Вероятно, уже принесли новые бокалы для шампанского. Я думаю, что сегодня господа будут пить шампанское.

Фриц. Слушаюсь! С удовольствием, фрейлейн Бенш. *(Уходит.)*

Лиза Бенш стоит у стойки спиной к Арнольду. Она вынимает шпильки из волос и снова их закалывает.

Арнольд. Вы это здорово делаете.

Лиза Бенш. Выдумывайте, что вам угодно. *(Внезапно поворачивается и замечает, что Арнольд установился на нее поверх очков.)* Господи боже мой! Опять он на меня глаза тарачит!

Арнольд. Лиза!

Лиза Бенш. Я для вас не Лиза.

Арнольд. Ах, Лизхен, если бы вы были разумнее, вы, маленькая, ничтожная трактирная Геба. У меня так горестно, так тоскливо на душе.

Лиза Бенш смеется насмешливо и весело.

(Страстно.) Смейтесь, если можете смеяться! Смейтесь! Смейтесь всегда! Быть может, я действительно смешон, но смешон мой вид, а не моя душа. О, если бы вы могли заглянуть в мою душу, я бы стер с лица земли всех этих типов.

Лиза Бенш. Арнольд, не волнуйтесь. Я верю вам, я хочу вам верить. Но, во-первых, вы слишком молоды, а во-вторых, и в-третьих, и четвертых, и пятых... это просто безумие, дитя мое. Послушай, будь разумным, да? Мне жаль тебя, но что я могу сделать?

Арнольд *(тяжело вздыхая)*. Это как чума, она у меня в крови...

Лиза Бенш. Глупости! Вот лучше влезьте на ту скамейку и подайте мне ковш.

Арнольд, вздыхая, влезает на скамейку и передает ей ковш.

Ведь таких девушек, как я, много! Ну, гоп, гоп, прыгайте вниз! *(Протягивает ему руку. Он спрыгивает и продолжает крепко держать ее руку; наклоняется, что-*

бы поцеловать, но Лиза выдергивает руку.) Нет, золотко! Вам придется потрудиться, пока я разрешу, мое сокровище!

Арнольд. Лиза, что мне сделать для вас? Ограбить, украсть, наразбойничать или еще что-нибудь?

Лиза Бенш. Быть настолько любезным, чтобы оставить меня в покое.

Дверь в соседнюю комнату приоткрывается.

(Прислушивается и, совершенно преобразившись, идет за буфет и кричит в кухонное оконце.) Фриц, посетители, — живо, торопись!

Дверь снова раскрывается, слышно, как в соседнюю комнату входит шумная компания.

Арнольд. Пожалуйста, дайте мне еще стакан пива. Я перейду в соседнюю комнату.

Лиза Бенш *(подчеркнуто официально)*. Господин Крамер, вам и здесь очень хорошо.

Арнольд. Да. Но там удобнее рисовать.

Лиза Бенш. Арнольд, вы знаете, опять начнутся ссоры. Будьте благоразумны, останьтесь здесь.

Арнольд. Ни за какие сокровища мира, фрейлейн Бенш!

Входит архитектор Цин. Он очень весел.

Архитектор Цин. Ура, фрейлейн Лизбет, вся пьяная и веселая компания здесь! Что вы поделяваете? Как поживаете? Ваш жених чахнет без вас. *(Замечает Арнольда.)* Черт возьми, извините!

Лиза Бенш. Фриц! Фриц! Господа здесь.

Архитектор Цин *(обрезает сигару)*. Фриц, пива! Пива сюда, черт побери! *(Лизе.)* Как поживает ваш папа?

Лиза Бенш. Неважно. Сегодня мы уже два раза вызывали врача.

Входит ассессор Шнабель.

Ассессор Шнабель. Господин архитектор, не сразиться ли нам в скат?

Архитектор Цин. А я полагаю, мы сразимся в гуся и по этому случаю раздавим бутылку шампанского.

Ассессор Шнабель (*поднимает руку, поет, танцует*). Лизхен!

«У Лизхен в клетке
Птенчик на ветке».

Не терзайте, Лизхен, вашего друга.

Архитектор Цин (*заметив Арнольда, тихо*). Так-так! И каменный гость здесь, Рафаэль в жилетном кармане. Фрейлейн Лизхен, побольше хлеба. Прибавьте к моей порции много хлеба!

Ассессор Шнабель (*глядя на Арнольда, так же тихо*). Ну, так и быть, подбросим ему гусиную ножку.

Лиза Бенш. Что вы заказали, господин ассессор?

Ассессор Шнабель. Шницель по-венски и хлеба, колоссально много хлеба, Лизхен. Я уничтожаю невероятно много хлеба.

Архитектор Цин. В таком случае ему придется повесить всю корзину хлеба.

Входит фон Краутгейм — вечный студент юридического факультета.

Фон Краутгейм. Фриц, куда девалось пиво, черт возьми!

Фриц. Господа, только что зарядили новую бочку.

Ассессор Шнабель (*разглядывает пивной кран*). Пока, однако, идет один воздух, воздух, воздух, ничего, кроме воздуха!

Арнольд берет шляпу и переходит в соседнюю комнату.

Фон Краутгейм. Ну вот, по крайней мере атмосфера очистилась. Есть воздух, чистый воздух.

Ассессор Шнабель (*поет*).

«Дитя, ты сошла с ума!
Тебе в Берлин пора!»

Слава богу, сбежал! Отступил!

Фриц. И не думайте! Он перешел в соседнюю комнату, чтобы находиться там же, где вы.

Лиза Бенш (*жеманно*). Я нахожу это просто смешным.

Архитектор Цин. Давайте-ка останемся в этой комнате.

Фон Краутгейм. Не хватает нам еще бежать от этого павиана.

Входит Квантмейер. У него молодеватый вид, монокль.

Квантмейер. Добрый вечер! Как поживаешь, милое дитя? *(Берет руку Лизы.)*

Она отворачивается.

А, роковой Крамер опять здесь?

Ассессор Шнабель. И где только шатается этот парень! Вчера утром я его видел — ну знаете, это зрелище, достойное богов. Вид у него был мерзкий: он стоял на площади около притона. Когда он кончает напиваться здесь, он начинает там все снова.

Квантмейер. Послушай, мое сокровище, ты на меня не сердись?

Лиза Бенш *(освобождает руку, смеется, кричит в кухонное окошечко)*. Шницель по-венски для господина ассессора!

Ассессор Шнабель. Побольше хлеба, не забудьте, колоссально много хлеба, невероятно много.

Общий смех.

Фриц *(с полными пивными кружками)*. Прошу, господа. *(Уходит в соседнюю комнату.)*

Заним следом уходят архитектор Цин, ассессор Шнабель, фон Краутгейм. Пауза.

Квантмейер. Скажи, кошечка, чего ты дуешься?

Лиза Бенш. Дуюсь? Это я-то? Да что ты говоришь!

Квантмейер. Пойди-ка сюда, дрянцо! Не надувай губки. Иди сюда живо, дай мордочку, будь умницей, живо! Послезавтра ты опять придешь ко мне. Послезавтра воскресенье. Мои хозяева уйдут, и дома не будет ни одной собаки, честное слово!

Лиза Бенш *(продолжает сопротивляться)*. Скажи, мы с тобой обручены или нет?

Квантмейер. Безусловно! Как же иначе? Я человек свободный. Могу жениться на ком захочу.

Лиза Бенш *(дает себя поцеловать, затем слегка ударяет его по лицу и освобождается от его объятий)*.
(Оставь! Я давно тебе не верю.

Квантмейер *(опять пытается ее обнять)*. Почему, малышка, ты сегодня такая дерзкая?

В стеклянной двери появляется Михалина.

Лиза Бенш. Тсс!

Квантмейер. Черт возьми! Что нужно здесь этой особе?

Михалина входит в пивную. Осматривается. Лиза Бенш скрывается за стойкой и наблюдает за ней.

(Закуривая сигару, с деланно беззаботным видом.) погоди, Лизхен, я тебе еще отомщу! *(Уходит в соседнюю комнату.)*

Лиза Бенш *(после небольшой паузы)*. Вы кого-нибудь ищете, сударыня?

Михалина. Это ресторан Бенша?

Лиза Бенш. Конечно!

Михалина. Благодарю вас. Значит, правильно. Вероятно, господа еще придут... *(Хочет войти в соседнюю комнату.)*

Лиза Бенш. Там кабинет для постоянных посетителей.

Михалина. Да? Я поджидаю здесь одну молодую пару. А пока я где-нибудь сяду.

Лиза Бенш. Пожалуйста сюда? Или туда? Или, быть может, здесь?

Михалина *(садится у стены напротив буфета)*. Благодарю вас. Я посижу здесь. Дайте мне маленькую кружку пива.

Лиза Бенш *(Фрицу, который только что вернулся)*. Фриц, маленькую кружку пива. *(Откидывается назад с очень строгим выражением лица, поправляет волосы и с большим интересом рассматривает Михалину. После паузы.)* Сегодня очень скверная погода, не так ли?

Михалина *(снимает галоши, затем пальто и, наконец, шляпу)*. Да. К счастью, я в галошах. На улице очень противно. *(Садится, поправляет волосы и вытирает лицо.)*

Лиза Бенш. Можно вам предложить гребенку, сударыня? *(Подходит к Михалине и протягивает ей свою гребенку.)*

Михалина. Вы очень любезны. Благодарю вас. *(Берет гребенку и старается привести в порядок свою прическу.)*

Лиза Бенш *(поправляет ей прядь волос)*. Разрешите вам помочь?

Михалина. Благодарю вас. Я уже поправила.

Лиза Бенш возвращается к стойке и продолжает с интересом наблюдать за Михалиной. Фриц приносит пиво и ставит его перед Михалиной, затем берет ящик с сигарами и уносит в соседнюю комнату. Оттуда раздается смех.

Там, видно, очень весело.

Лиза Бенш *(пожимает плечами, не без жеманства)*. Ничего с ними не поделаешь, с этими господами. *(Вновь выходит вперед.)* Видите ли, я терпеть не могу этого шума и всего прочего. Но, знаете, отец заболел, а мать плохо переносит табачный дым; к тому же она, конечно, ухаживает за папой. Ничего не поделаешь, приходится ее заменять.

Михалина. Разумеется. Это ведь ваша обязанность.

Лиза Бенш. К тому же я молода, не правда ли? Среди них есть симпатичные господа, действительно очень образованные, шикарные молодые люди. У таких людей есть чему и поучиться.

Михалина. Конечно, понятно. Конечно.

Лиза Бенш. Знаете, что противно? *(Внезапно с доверчивостью.)* Они всегда ссорятся. Сначала пьют вместе, а затем ругаются. Господи, тогда нужно быть начеку. То с одним слишком любезно поздоровалась, то другому не надо было подавать руки, то третьего взяла за руку — так толком и не знаешь, что произошло. На четвертого нельзя смотреть, а пятого надо выставить из ресторана. На каждого не угодишь! И сразу они так и вцепляются друг в дружку.

Голоса из соседней комнаты: «Лиза, Лиза, где вы там?»

Я останусь с вами. Не пойду туда. Мне там теперь так

целовко. Среди них мой жених, но, посудите сами, так ведь нельзя. Естественно, с ним я любезна — и что же, просить у каждого на это разрешения, что ли?.. Нет, это не годится.

Михалина. Да ведь он и требовать не может, ваш жених.

Лиза Бенш. Нет-нет, он этого и не требует, но все же... *(Встает.)*

Фриц возвращается с пустыми кружками.

Послушайте меня: не связывайтесь вы с поклонниками.

Через стеклянную дверь входит Лахман. Он сразу замечает Михалину и подает ей руку.

Лахман *(вешая пальто и шляпу)*. Михалина, мы очень постарели.

Михалина *(развеселившись)*. И ты говоришь мне это так прямо в лицо?

Лахман. По крайней мере я. Ты не так, как я. Особенно по сравнению с твоим отцом. *(Садится.)*

Михалина. Почему?

Лахман. Есть причины. Конечно. Каким я был, когда поступал в вашу школу живописи... Черт возьми! А теперь... Нет, я очень опустился.

Михалина. Почему? В чем?

Лахман. Я хотел помирить бога с дьяволом! Мне думалось, что я все могу! И чего я только не хотел? Каким сильным я себе казался, а теперь я оказался банкротом.

Михалина. Как — банкротом? В каком отношении?

Лахман. Во многих. Например, в иллюзиях.

Михалина. Разве ты придаешь такое значение иллюзиям?

Лахман. Да. Все остальное сомнительно. Способность к иллюзиям, Михалина, — это лучшее богатство во вселенной. Вдумайся в это, и ты поймешь.

Михалина. Ты имеешь в виду фантазию, без которой не может быть художника?

Лахман. Да, фантазию и веру в нее. *(Фрицу.)* Бутылочку красного, пожалуйста, как вчера.

Лиза Бенш (*уже приготовила вино и откупорила бутылку*). А я вас, сударь, сразу узнала. (*Ставит перед Лахманом бутылку и стакан.*)

Лахман. Да? Это меня радует. Будь у меня деньги, мы бы распили сегодня бутылку шампанского.

Пауза.

Михалина. Ты переходишь от одной крайности к другой. Как это понять, Лахман?

Лахман. Никак. В том-то и шутка — я конченный, вот и все. Точка! Теперь мы можем начать веселиться.

Из соседней комнаты снова слышны смех и шум. Лиза Бенш неодобрительно качает головой и направляется туда.

Михалина. Ты какой-то странный, возбужденный...

Лахман. Да? Ты находишь? Видишь, обычно я словно во сне. Сегодня я немного взволнован, слава богу, но, увы, долго это не продолжится. Возраст! Годы! Я понемногу ухожу из жизни.

Михалина. Милый Лахман, я вовсе не нахожу тебя таким старым.

Лахман. Да, Михалина?! Тогда выходи за меня замуж.

Михалина (*с удивлением, живо*). Ну, нет! Я не то хотела сказать. Для этого мы оба действительно слишком стары! Но, видишь ли, пока у тебя есть чувство юмора, значит, тебе еще не так плохо.

Лахман. Да. Да, но все-таки, все-таки... Но давай оставим это.

Михалина. Скажи, почему ты так подавлен?

Лахман. Ничуть! Я вовсе не подавлен. Я только опять оглянулся и заметил, что, в сущности, совсем не живу.

Михалина. Почему? Я спрашиваю тебя, почему?

Лахман. Рыба не может жить без воды! Каждому живому существу нужен свой мир, в том числе и духовный. Меня втиснули в чужой мир — и я вынужден волея-неволей жить в чужой атмосфере. Ты понимаешь, я задыхаюсь. Я потерялся, я не узнаю себя, я не понимаю себя.

Михалина. Значит, мне лучше в моем добровольном одиночестве.

Лахман. Вам всем здесь вообще лучше. Вы не видите и чудовищной свистопляски обывательщины в большом городе. Но когда попадешь в круговорот этой жизни, то слепо следуешь за ней по пятам! Каждый стремится выбраться на вольный широкий свет. Я жалею, что уехал отсюда. А ведь мир совсем невелик, Михалина, он нигде не шире, чем здесь. А здесь не теснее, чем в других местах. А для кого он тесен, тот пусть сам его расширяет, как это сделал твой отец. Когда я здесь поступил в школу живописи, тогда, весной...

Михалина. Это было осенью.

Лахман. А я помню только весну.... Мы выбрались из всей этой мещанской тины... и тогда, по правде можно было сказать... открылся мир, широкий и большой. А теперь мы опять погрязли в личном, в семейном...

Михалина. А я, Лахман, все вижу тебя иным. Как будто это сегодня — у тебя шелковистые золотистые волосы; ты стоишь у входа в мастерскую отца. Она тогда находилась наверху, а не в маленьком флигеле. Помнишь ты это или забыл?

Лахман. Я? Что ты! Это не забывается. Я ничего не забыл из того, что было тогда. Малейшее движение осталось у меня в памяти. Это было наше лучшее время. Словами этого не выразишь! Это было таинство. Забитый сорванец был посвящен в рыцари.

Михалина. Не все это так воспринимали, как ты, милый Лахман. Многих угнетал характер отца.

Лахман. Но он и покорял их. Так им и надо. У кого хоть что-то было, того он подымал до рыцарей. Как он раскрыл перед нами мир героев! Уже то, что он считал, что мы достойны с ними соревноваться... и вообще дал нам почувствовать, что у нас такая же кровь, как у богов искусства!.. Какая божественная гордость охватывала нас, Михалина! И так, за твое здоровье! За то, что было... *(Замечает, что у Михалины нет стакана. Обращается к Фрицу, который как раз собирается идти в соседнюю комнату с шампанским.)*

Прошу второй стакан.

Фриц быстро приносит и уходит с шампанским в соседнюю комнату.

Михалина. Что с тобой? Что произошло, Лахман?

Лахман *(наливает вино)*. Я видел картину твоего отца.

Михалина. Вот как! Ты сейчас от отца?

Лахман. Да, прямо от него.

Михалина. И это произвело на тебя такое впечатление?

Лахман. Да, такое глубокое, какое только возможно.

Михалина. Честно?

Лахман. Честно, честно, конечно.

Михалина. И ты не разочарован?

Лахман. Нет-нет. Ни в коем случае. Я знаю, куда ты клонишь и почему спрашиваешь. Всякое искусство фрагментарно. Но то, что у него написано, прекрасно, захватывающе и великолепно. Сколько достигнуто! Какое чувство! Михалина, лучше сделать нельзя. Только теперь понимаешь, что представляет собой твой отец. Большая неудача может иметь большее значение, сильнее захватить и поднять и глубже низвергнуть в пропасть, чем лучшая удача... Особенно это чувствуется в самых великих произведениях.

Михалина. А какое настроение было у отца?

Лахман. Он страшно намылил мне голову, что, увы, сейчас уже бесцельно. Но, знаешь, когда закрываешь глаза и предаешься тихим воспоминаниям, то можно себе представить, что это первый весенний ливень и что еще вырастешь бог знает каким высоким.

В комнату входят архитектор Цин и ассессор Шнабель. Они навеселе, говорят громко и без стеснения, затем начинают шептаться, однако так громко, что все слышно. Из соседней комнаты раздается хохот.

Архитектор Цин. Фриц, живо бутылку гелдермана, ту, которая стоит восемь марок. Что-то будет? Это начинает меня занимать.

Ассессор Шнабель. Веселый парень этот Квантмейер, а? Чего он только не придумает!

Архитектор Цин *(смеясь)*. Я думал, что сваюсь от смеха под стол. *(Шепчет.)* Будьте осторожны, когда говорите о развалинах. Старые перечницы этого не любят. *(Делает гримасы и указывает глазами на Михалину.)*

Ассессор Шнабель. А что, Фриц, цирк Ренца опять здесь?

Фриц (*возится с шампанским*). Да ну, господин ассессор? Я об этом ничего не знаю.

Ассессор Шнабель. Как же, как же! Разве вы не чувствуете запах манежа?

Архитектор Цин. Да здравствует легкая кавалерия!!!

Входит Краутгейм.

Краутгейм (*направляясь к буфету, мимоходом говорит Цину и Шнабелю*). Это что — мужчина или женщина?

Архитектор Цин. Расследуйте. (*Шнабелю, шепотом.*) Скажите, что представляет собой Квантмейер? Он действительно юрист? Этого человека не раскусишь. На что он живет?

Ассессор Шнабель (*пожимая плечами*). На деньги, вероятно...

Архитектор Цин. Да, но кто их дает ему?

Ассессор Шнабель. Черт его знает! Производит впечатление, что они у него есть, а это, в сущности, главное.

Архитектор Цин. Вы верите в его помолвку?

Ассессор Шнабель. Цин! Вы определенно пьяны.

Архитектор Цин. Ну, тогда девчонка невероятно глупа. Каждая девчонка может быть немного наивной. Но так унижить себя, как эта... (*Что-то говорит ему на ухо; оба цинично хохочут и курят.*) Ассессор, оглянитесь! (*Берет ассессора под руку и подводит к столику, где сидят Михалина и Лахман; не обращая на них внимания, не извинившись, мешая Михалине, он указывает правой рукой на отдельные предметы в помещении. Говорит громко и хвастливо.*) Все это сделал я; панели, потолок, буфет — все. Сам делал все рисунки. Это мой труд! Потому-то я так люблю здесь пить. У нас есть вкус, не так ли? (*Выпускает руку ассессора и зажигает сигару спичкой, которой он долго и обстоятельно чиркал о коробок на столе Лахмана и Михалины.*)

Из соседней комнаты снова слышен хохот. Фриц вносит туда шампанское.

Архитектор Цин (*поворачивается*). Он мальчишку совсем с ума сведет.

Ассессор Шнабель пожимает плечами.

Пойдемте; опять начинается.

Оба уходят в соседнюю комнату. Лахман и Михалина удивленно переглядываются.

Лахман (*вынимая из кармана портсигар, сухо*).
Какие пошляки! Курить разрешаешь?

Михалина (*беспокойно*). Конечно.

Лахман. А ты?

Михалина. Нет, спасибо. Здесь не буду.

Лахман. Да-да, прекрасно. Куда докатились эти современные бездельники! Что ты об этом думаешь?

Михалина. Я нахожу, что здесь не очень уютно.

Лахман (*курит*). Даже крылатые облака зари не спасут от этих типов. Боже, как сначала было хорошо! А теперь везешь тачку для этих людей, а ведь у нас нет ничего общего! Все действительно чистое уничтожается. Все отвратительное, грязное — все подлейшие негодяи возводятся до небес! А мы должны молчать и мучиться ради этого сброда. За твое здоровье, Михалина, и за здоровье твоего отца! И за искусство, которое освещает мир, — наперекор всему, наперекор всему.

Чокаются.

О, будь я хотя бы на пять лет моложе, я бы много сделал такого, что сегодня, к сожалению, для меня потеряно, и многое казалось бы мне не таким безнадежным.

Михалина. А знаешь, что иногда бывает труднее всего?

Лахман. Что?

Михалина. Между друзьями?

Лахман. Что же?

Михалина. Не мешать друг другу в заблуждениях. Ну, еще раз: за то, что было.

Многозначительно чокаются.

Лахман. Конечно, конечно. Поделом мне. Время

прошло безвозвратно. Но когда-то это было очень близко... И, сколько бы ты сейчас ни качала головой, мне стоило только кивнуть.

Из соседней комнаты раздаются крики и смех.

Михалина (бледная, вздрагивая). Что это, Лахман? Ты слышал?

Лахман. Да. Неужели это тебя волнует, Михалина?

Михалина. Я сама ясно не понимаю почему. Наверно, это связано с тем, что Арнольд и отец в очень натянутых отношениях, и это меня беспокоит.

Лахман. Да-да. Но почему именно сейчас?

Михалина. Не знаю. Лучше уйдем отсюда. Ах да, твоя жена! Тогда подождем еще. Но, право, мне здесь не по себе.

Лахман. Не обращай внимания на этот сброд.

Из соседней комнаты выходит Лиза Бенш.

Лиза Бенш. Господи боже мой! Нет-нет, что же это! Они пьют столько шампанского и не понимают, что делают. Просто беда! (Бесцеремонно садится за стол к Лахману и Михалине. Она сильно взволнована; чувствует, что случившееся ей действительно неприятно.)

Лахман. Эти господа ведут себя, вероятно, не совсем тактично?

Лиза Бенш. Ах нет, они вообще очень приличные люди, но там один молодой человек. Они всегда над ним... (Как бы в припадке невменяемости указывает на запрокинутую голову и в то же время делает рукой беспокорные жесты.) Ну, совсем... ну я не знаю!

Лахман. Это, вероятно, ваш жених?

Лиза Бенш (ее будто знобит, она тербит кружево на груди). Да нет. Просто один дурак, который вбил себе в голову всякую ерунду. Какое мне дело до этого глупого мальчишки? Пускай проваливает с богом. (Михалине.) А вам бы понравилось, если бы он торчал около вас словно марабу? Я ведь могу делать все что хочу, не правда ли? Какое мне дело до этого наблюда-

теля? (*Взволнованно встает.*) К тому же мой жених пьян, а если он хочет так напиваться, пускай пьет в другом месте. (*Прячется за буфетом.*)

Пауза.

Лахман. Ты понимаешь, как это странно. Твой отец в своей мастерской — и эти здесь... так называемое благородное общество. И если вспомнишь картину... торжественно-спокойный образ Спасителя! И представляешь себе эту картину с ее покоем и чистотой здесь, в этом чаду и угаре... Я рад, что нет моей половины; мне было бы страшно.

Михалина. Если бы только узнать, придет ли она. А то бы я предложила.... Ты здесь себя чувствуешь хорошо?

Лахман (*прячет портсигар в карман пальто*). Да. После нашего тоста, наперекор всему и наперекор всем. Когда двое говорят «за то, что было», значит, что-то осталось, и за это мы еще раз поднимаем тост!

В соседней комнате слышны взрывы смеха, который усиливается, и разговор.

Квантмейер (*в соседней комнате*). Как вас зовут? Кто вы? Что вы здесь все время сидите и глазеее на нас? Что вы так таращите глаза? Ну что? Мы вам мешаем? Вас смущает, что я целую мою невесту? Вы! Вы думаете, что я попрошу у вас разрешения? Вы! Вы! Вы! Да вы же сумасшедший! Сумасшедший!

Слышатся голоса и смех.

Душ ему! Холодный душ! Что, мне не разрешается здесь показать свои подвязки? Вы думаете, что я не имею на это права? (*Хохочет.*)

Лахман. Теплая компания, кажется?

Квантмейер. Вы думаете, что мне не разрешено? К вашему сведению, я ношу дамские подвязки! Ба-ста! А если они не мои, значит, чьи-нибудь! В конце концов, это подвязки Лизхен. (*Хохочет.*)

Лиза Бенш (*Михалине и Лахману*). Он врет! Это подло! Он врет! И это мой жених, такой лгун!

Квантмейер. Ну? Ну? Выходите — и, если от

вас останется мокрое место, я не буду об этом печалиться. Ты мазилка! Пачкун! Тряпка! Еще одно слово, и ты вылетишь — можете на меня положиться.

Лиза Бенш (*торопливо, запинаясь*). Это так получилось... Не подумайте, сударыня, что я виновата в скандале. Дело было так. Именно так. Мой жених был пьян и щипал мне руку... А они решили вызвать его ревность.

Лахман. Чью ревность?

Лиза Бенш. Да этого молодого человека, о котором я говорила. Я уже была у его отца. Чего я не делала? Но ничего не помогает. Он приходит, садится в угол, сидит там и не уходит, пока дело не доходит до этого.

Лахман. Что же он делает?

Лиза Бенш. Собственно говоря, ничего. Он сидит и смотрит. Но это очень неприятно. Ну, и нечего удивляться, что они его так дразнят.

Опять слышен голос Квантмейера.

Ну вот, опять начинается. Не знаю, что и делать; пойду поднимусь к отцу.

Квантмейер. Вы поняли, что я вам сказал? Нет? Забыли? Что? Так слушайте еще раз слово за словом: мою невесту я могу целовать как захочу, где захочу и когда захочу. Пусть сам черт мне помешает! Так. Ну, скажите еще одно слово, и вы вылетите отсюда вон!

Лиза Бенш. Фу, дьявол! И он еще считается моим женихом? Так себя вести и врать!

Среди криков и шума из соседней комнаты слышен разговор.

Архитектор Цин. Стой! Парень! Слишком жирно!

Ассессор Шнабель. Что? Что? Полицию! В каталажку этого мошенника!

Краунтгейм. Отнимите у него, Квантмейер! Не церемоньтесь!

Квантмейер. Попробуйте! Попробуйте! Человеческое отродье!

Архитектор Цин. Отнять!

Ассессор Шнабель. Отнять — раз, два, три!..

Квантмейер. Положите! Слышите вы! Положите! Положите!

Архитектор Цин. Положите вы эту штуку или нет!

Ассессор Шнабель. Видите, этот парень просто анархист.

Глухая короткая борьба.

Михалина (*внезапно вскакивает в непонятном страхе, хватая вещи*). Лахман, прошу тебя, пойдём... уйдём отсюда.

Архитектор Цин. Ну, братцы, заполучил! Ага! Попался!

Ассессор Шнабель. Держите его! Держите негодяя!

Бледный, как мертвец, врывается Арнольд и бежит к двери. Цин, Шнабель и Краутгейм преследуют его с криками «Держите! Держите! Держите его!» Они выбегают за ним на улицу и исчезают. Их крики и крики прохожих слышны все слабее и слабее, пока не замирают вдали.

Михалина (*ошеломленно*). Арнольд! Это был Арнольд?

Лахман. Тише. Успокойся.

Входят Квантмейер и Фриц.

Квантмейер (*вытаскивает маленький револьвер*). Видишь, Лизхен, какой прохвост. Взгляни, пожалуйста, на эту вещицу. Стоит самое большее пять, шесть марок, а что могла натворить.

Лиза Бенш. Оставьте, пожалуйста, меня в покое.

Фриц. Прошу покорно! Пожалуйста. Гости, которые вытаскивают из кармана револьвер и... кладут его рядом... с кружкой пива, таких гостей я не обслуживаю.

Лиза Бенш. Не хотите — и не обслуживайте.

Лахман (*Фрицу*). Этот господин грозил им револьвером?

Квантмейер (*смотрит на Лахмана в упор взглядом сыщика*). Да, грозил... Этот господин... Вы что, сомневаетесь? Ну, этого не хватало. Господи боже мой! Нас, пожалуй, еще заставят отвечать за это, что ли?

Лахман. Я позволил себе только спросить. Не вас, а кельнера.

Квантмейер. «Позволил»!! «Позволил»!! Кто вы? Что вы вмешиваетесь? Или вы, может быть, родственник этого типа? Ну, тогда можно было бы заодно. «Господин»! (Хихикая.) На сегодня, думаю, ему хватит. Этот болван запомнит урок. Подумаешь, трус, хотел защищаться...

Михалина (как бы очнувшись от столбняка, встает как безумная, подходит к Квантмейеру). Арнольд?! Это был Арнольд?

Квантмейер. Что?

Лиза Бенш (подозревая, что может произойти, с молниеносной быстротой становится между Квантмейером и Михалиной. Квантмейеру). Прочь! Оставьте наших гостей в покое... А то я вызову отца.

Михалина (в величайшем страхе бежит к двери, с криком отчаяния и боли, как бы желая вернуть Арнольда). Арнольд!.. Это был Арнольд!..

Лахман (за ней, удерживая ее). Нет! Нет-нет, Михалина! Возьми себя в руки!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мастерская Михаэля Крамера. Та же, что и во втором действии.
Около пяти часов дня.

Занавеска, которая отделяет главную часть в мастерской, как всегда, затянута. Крамер работает за гравировальным столом. Он одет так же, как во втором действии. Служитель школы Краузе вынимает из корзины пакет со стеариновыми свечами. Пакет завернут в синюю бумагу.

Крамер *(не отрываясь от работы)*. Положите пакеты туда, к подсвечникам... сзади.

Краузе *(кладет пакеты на стол, на котором стоят несколько серебряных подсвечников, затем вытаскивает письмо. Держит его в руках)*. Других распоряжений не будет, господин профессор?

Крамер. Профессор? Что это значит?

Краузе. Так оно, наверно, и есть; вот официальный пакет! *(кладет письмо перед Крамером на стол.)*

Крамер. Гм... вот как... Мне? *(Глубоко вздыхает.)* Мое почтение! *(Продолжает работать, не распечатывая письма.)*

Краузе *(беря корзинку и собираясь уйти)*. Господин профессор, разрешите мне дежурить сегодня ночью? Вам надо хоть немножко отдохнуть.

Крамер. Никаких изменений, Краузе. О дежурстве, слушайте, я уже позаботился. Я договорился с художником Лахманом. Вы ведь знаете Лахмана еще с прежних времен?

Краузе *(берет шапку, вздыхает)*. Великий, милостивый боже! А сейчас вам ничего не надо?

Крамер. Директор здесь?

Краузе. Да здесь, господин Крамер.

Крамер. Благодарю вас. Ступайте! Стойте! Подождите минутку. В понедельник вечером — где это было? Где встретила ваша жена Арнольда?

Краузе. Она... Там, где лодки стоят... погодите... как раз под выступом крепостной ограды, где дают напрокат лодки.

Крамер. На маленькой дорожке, которая ведет вниз... к самому Одеру?

Краузе. Так точно. Именно там.

Крамер. Она заговорила с ним или он с ней?

Краузе. Нет, не так! Он как раз сидел на парапете, знаете, где люди иногда останавливаются и смотрят, как поляки на плотях варят вечером картофель. Жену удивило, что он так сидит; она остановилась и пожелала ему доброго вечера.

Крамер. О чем она еще говорила с ним?

Краузе. Она сказала, что он так может простудиться.

Крамер. Гм! А что он ответил?

Краузе. Когда она сказала, он рассмеялся. Но, видите ли, жена говорит, что он как-то страшно рассмеялся. И презрительно. Больше я ничего не знаю.

Крамер. Кто хочет презирать, все презирать, тот всегда найдет для этого повод. Жаль, что вы не пришли ко мне... Но я думаю, уже тогда было слишком поздно.

Краузе. Да, кабы знать! Разве знаешь? Кто так сразу додумается? Когда Михалина пришла, она ведь с господином Лахманом пришла ко мне, меня охватил страх. Но было уже полпервого ночи!

Крамер. Послушайте, эту ночь, я ее не забуду. Дочь меня разбудила в час, а когда нашли моего бедного мальчика, на соборных часах пробило уже девять.

Краузе вздыхает, качает головой, открывает дверь, чтобы выйти. В этот момент входят Михалина и Лахман. Когда они входят, Краузе уходит. Михалина одета в темное; выражение ее лица серьезное. Она измучена и заплаканна.

(Кричит им навстречу.) А вот и вы, дети! Входите-ка

сюда. Вы, Лахман, сегодня ночью дежурите, да? Ведь вы были почти его другом. Мне приятно, что это будете вы, а то, знаете, мне не хочется чужих... *(Ходит взад и вперед. Останавливается. Думает.)* А теперь я вас оставлю на пять минут. Я пойду к директору. Хочу сказать ему то, что обязан сказать. Вы ведь не уйдете?

Михалина. Нет, отец. Лахман, во всяком случае, останется здесь. У меня есть поручение.

Крамер. Мне очень приятно, что вы останетесь, Лахман. Я сделаю все быстро и сейчас же вернусь. *(Берет кашне, кивает обоим, уходит.)*

Михалина садится не раздеваясь; поднимает вуаль, вытирает носовым платком глаза. Лахман кладет шляпу, пальто и палку.

Михалина. Как ты находишь, отец изменился?

Лахман. Изменился? Нет.

Михалина. Боже мой, я опять забыла! Ведь я еще не сообщила Гертельсам. Последнюю память, и ту потеряла. Вот и веноч. *(Встает и рассматривает лежащий на диване довольно большой лавровый веноч с лентой. Заметив на венке карточку, удивленно.)* Веноч от Шефферс, и она тоже осиротела! Только и дум у нее было, что об Арнольде. А Арнольд даже и не знал.

Лахман. Эта слегка кривобокая особа? Я ее видел у тебя в мастерской?

Михалина. Да-да. Она рисовала потому, что рисовал Арнольд. И во мне она видела только сестру Арнольда. А за этот веноч, который она купила, ей придется три недели сидеть на хлебе и чае.

Лахман. И при этом она будет чувствовать себя счастливой. Знаешь, кого я еще встретил? И кто тоже пошлет веноч?

Михалина. Кого?

Лахман. Лизу Бенш.

Михалина. Ей этого не следовало бы делать.

Пауза.

Лахман. О, если бы я мог тогда поговорить с Арнольдом. Даже о Лизе Бенш — быть может, это на него подействовало бы.

Михалина. Нет, Лахман, ты ошибаешься. Я не верю.

Лахман. Кто знает? Но ведь, в конце концов, он сам избегал меня, а я мог бы ему кое-что объяснить, хоть и не скажу прямо, что именно. Из своего опыта, так сказать. Иногда нам отказано в исполнении самых страстных желаний, ибо, если бы они исполнились, Михалина... У меня раз исполнилось такое желание, и — не буду от тебя скрывать — мне стало потом еще хуже...

Михалина. Личный опыт не передается другим, по крайней мере в глубоком смысле...

Лахман. Возможно, но, впрочем, я знаю, что надо.

Пауза.

Михалина. Да-да, так бывает. Все на свете так. Она тоже играла с огнем. Ей и в голову, естественно, не могло прийти, что из этого получится. (*У гравировального столика.*) Посмотри, что отец сегодня сделал.

Лахман. Мертвый рыцарь в латах.

Михалина. Да.

Лахман (*читает*).

«Я закован в латы,
Смерть мой щитonosец».

Михалина (*неуверенно, затем тихо плача*). Я никогда не видела отца плачущим, но здесь отец плакал...

Лахман (*невольно беря ее за руку*). Михалина, мы должны держаться, да?

Михалина. Лист совсем влажный. Великий боже! (*Поборов себя, делает несколько шагов и затем продолжает уже повышенным тоном.*) Отец, конечно, сдерживается, Лахман, но ты видишь, в каком он состоянии. Он постарел на десять лет.

Лахман. Я тоже похоронил и отца и брата. Перед кем открывается вся глубина и серьезность жизни, кому пришлось перенести все ее тяжести, у того корабль плывет спокойнее и ровнее — вместе со своими мертвцами в глубине трюма...

Михалина. Но тяжелее всего пережить это — вот что.

Лахман. Об этом я никогда не думал.

Михалина. Да-да, как молния! Это было как молния! Я чувствовала: если мы его найдем — значит, обошлось. Не найдем — все погибло. Я знаю Арнольда. Я предчувствовала. В нем все так запуталось, и, когда мне все это дело стало ясно, я поняла, как это опасно.

Лахман. Мы ведь тотчас пошли вслед за ним.

Михалина. Слишком поздно я взяла себя в руки. Одно только слово, одно слово надо было сказать ему, и все бы, вероятно, изменилось. Если бы они даже поймали его и преследователи привели его назад! Я могла бы крикнуть: Арнольд, вернись... *(Не может говорить от волнения.)*

Лахман. И все бы кончилось не так плохо. Эта детская игра с револьвером...

Михалина. Эта девушка. Позор! Отец! Мать! И, конечно, страх перед последствиями! Он изображал из себя опустошенного циника, а, в сущности, он был совсем неопытным и ребячливым. Я ведь знала, что он носил при себе оружие.

Лахман. Он мне показывал его еще в Мюнхене.

Михалина. Ну да, потому что воображал, что его всюду преследуют. Он видел вокруг себя только врагов. И не давал себя разубедить. Все только притворство, часто говорил он. Они прячут клыки, когти. Стоит зевнуть, и тебе будет крышка.

Лахман. В этом есть доля правды. Так оно и есть. Иногда это чувствуешь. Он видел много жестокости. И если подумаешь, то он, пожалуй, был прав.

Михалина. О нем нужно было больше заботиться. Но Арнольд был всегда резок. И когда к нему подходили с добром, он отталкивал тех, кто шел к нему с открытым сердцем.

Лахман. Что он написал твоему отцу?

Михалина. Папа никому еще не показал письма.

Лахман. Мне он намекал. Только намекал, но ничего существенного не сказал. Он говорил о нем без

горечи. Думаю, что он написал: я не могу вынести такую жизнь, эта жизнь не по мне.

Михалина. Почему он не искал опоры в отце? Безусловно, отец суров. Но только неполноценные люди не понимают, что в этой суровости столько доброты, человечности. Ты видишь, я, женщина, сумела понять его, а мне было куда труднее, чем Арнольду. Отец добивался доверия Арнольда, а я боролась за доверие отца. Отец страшно правдив во всем. Со мной он был еще строже, чем с Арнольдом, а Арнольд был мужчиной. Я все терпела.

Лахман. Твой отец мог бы быть моим духовником.

Михалина. Он пережил то же самое.

Лахман. Чувствуется.

Михалина. Я знаю точно. И Арнольда он бы понял.

Лахман. Но кто знает, в чем спасение?

Михалина. Видишь, Лахман, как бывает. Наша мать внутренне чужая отцу. Но, когда у нее были недоумения с Арнольдом, она всегда угрожала ему отцом... Чего она добивалась? Чем она помогла?

Возвращается Крамер, вешает кашне.

Крамер. А вот и я опять. Как мама?

Михалина. Она просила, чтобы ты не переутомлялся. Сегодня ночью ты спишь дома?

Крамер (*собирает письма с соболезнованиями, которые лежат на столе*). Нет, Михалина. Но, если ты пойдешь домой, возьми эти письма и карточки, передай маме. (*Лахману.*) Видите, у него были друзья. Мы даже этого не знали.

Михалина. И дома весь день был народ.

Крамер. Мне не хотелось, чтобы они приходили. Но если они полагают, что делают добро, им нельзя мешать. Ты собираешься уйти?

Михалина. Мне надо — эти ужасные хлопоты, церемонии...

Крамер. Все это не должно нас теперь раздражать. Этот час требует наших последних сил!

Михалина. Прощай, папа!

К р а м е р (*удерживая ее*). До свидания, моя добрая девочка! Ты не будешь переживать. Ты — самая разумная из всех нас. Нет-нет, Михалина, я не это думал. У тебя трезвая, здоровая голова, а сердце у нее, Лахман, доброе.

Михалина плачет сильнее.

Послушай: крепись, дитя. Мы должны показать, что мы не сдаемся.

М и х а л и н а решительно сдерживается, пожимает руку ему, затем Лахману и уходит.

Давайте вставим свечи. Откройте пакеты. (*Начинает открывать пакеты, вставляет свечи.*) Беда, беда, беда, беда! Чувствуете вы, что кроется в этом слове? Видите, и со словами это так: временами они оживают, а в повседневной жизни они мертвы. (*Передает Лахману подсвечник, в который он поставил свечку.*) Отнесите это моему мальчику.

Л а х м а н с подсвечником уходит за занавеску.

(*Один у занавески, громко.*) Когда наступает в жизни великое, все ничтожное отбрасывается. Ничтожное разъединяет людей; великое их соединяет. Это значит — такими мы должны быть! Смерть всегда великое — слышите? — смерть и любовь.

Л а х м а н возвращается.

Я был внизу у господина директора и сказал ему правду. Зачем было мне ему лгать? Мне сейчас совсем не до этого. Что мне за дело до света? Да и он был выше этого. Видите ли, это нужно женщинам. Пастор не будет его хоронить, и все будет не по правилам. Слушайте, для меня это второстепенно. Бог для меня все, пастор ничто. Знаете, что я делал сегодня утром? Я хоронил мои любимые мечты. Тихо-тихо, про себя. Совсем тихо, в одиночестве. Слушайте, это был долгий путь. Большие и маленькие, хрупкие и крепкие, все они лежат будто скошенные, Лахман.

Лахман. Я также потерял одного друга. Он тоже умер добровольно.

Крамер. Добровольно, говорите вы? Кто знает, где кого она застигнет. Посмотрите на эти наброски! *(Вынимает из кармана пиджака альбом с набросками и раскрывает перед Лахманом, подведя его к окну, где при вечернем свете еще можно с трудом разобрать.)* Вот его мучители. Все здесь собраны. Смотреть и видеть он умел. Настоящий злой глаз был у него, вот что я хочу сказать... Я, быть может, не так разбит, как вы думаете, и не так безутешен, как думают многие. Смерть ведет к возвышенному... И то, что снисходит, чтобы подавить нас, оно в то же время прекрасно и чудовищно. Тогда мы это чувствуем, и слышим, и видим, и в страданиях мы становимся великими. Кто только не умирал в моей жизни! Многие, Лахман, которые до сих пор еще живы. Почему сердце в одно и то же время кровоточит и бьется? Да потому, Лахман, что оно должно любить. Это стремление всех к единству, хотя над ними висит проклятая разрозненность. Мы хотим, чтобы ничто не ускользало от нас, а ускользает все так же, как появляется.

Лахман. Я это тоже уже испытал.

Крамер. Когда ночью Михалина разбудила меня, я был жалок. Но я сразу все понял, и, когда он там лежал, это были самые горькие часы моей жизни. В эти часы, Лахман, было просветление или нет? Но, клянусь, я себя не узнавал. Я презирал, я был в бешенстве. Слушайте, я возмущался с такой силой, какой не ждал от себя. Я издевался над богом. Мы себя не знаем. Я смеялся, как язычник, и требовал ответа у своего идола. Для меня это была дьявольская шутка, дьявольская бессмысленная забава, Лахман! Мучительная, дешевая, бессмысленная и дурная. Я так возмущался. Пока... пока я не увидел его здесь рядом. Только тогда ко мне вернулся рассудок. Эта мысль сначала не укладывалась в голове. Теперь я привык. И я продолжаю жить с ней. Скоро уже два дня. Я был оболочкой, а там лежит ядро. Лучше бы они разделились с оболочкой.

Тихо, не постукав, входит Михалина.

Михалина. Папа, внизу Лиза Бенш. Она у Краузе. Она принесла венки.

Крамер. Кто?

Михалина. Лиза Бенш. Она хочет с тобой говорить. Можно ей войти?

Крамер. Я не осуждаю ее; я не запрещаю ей. Я не знаю, что такое ненависть. Я не знаю, что такое месть. Мне теперь все это кажется мелким и ничтожным.

Михалина уходит.

Видите, как меня это поразило! И это не удивительно. Так живешь изо дня в день и думаешь — так и должно быть. Борешься с мелочами и, представьте, думаешь — бог знает, какие это важные вещи! Выдумываешь себе заботы, стонешь и жалуешься... И вдруг как орел на стаю воробьев... И тогда — стой смирно! Но, понимаете, у меня сил не хватило. Я сжался. И все, что мне предстоит, не радует, не пугает. Мне больше ничего не грозит.

Лахман. Зажечь свечи?

Крамер раздвигает занавеску. На заднем плане в большой почти темной части мастерской возвышение, покрытое материей; на нем гроб.

Крамер. Видите, здесь лежит сын, рожденный матерью. Люди — жестокие звери.

Через высокое окно мастерской слева падает бледный вечерний свет. У изголовья гроба подсвечник с горящей свечой.

(Подходит к столу, наливает в стаканы вино.) Подойдите, Лахман, нам нужны силы! Вот вино. Выпьем, Лахман, — в память его. Чокнемся спокойно. Ведь вот тот, который лежит там, — это я! Это вы! Это само величие! Что может еще сказать какой-нибудь пастор?.. *(Пьет.)*

Пауза.

Лахман. Я вспомнил о своем друге. Его мать была дочь пастора. И она, конечно, была в отчаянии, что пастор отказался его хоронить. Но, когда его тело опу-

скали в землю, казалось, дух снизошел к ней, сам бог молился ее устами... Я никогда не видел, чтобы так молились.

Михалина вводит Лизу Бенш. Она одета просто, в темное. Обе женщины останавливаются у двери. Лиза прижимает к губам носовой платок. Крамер, видимо, не замечает Лизы, зажигает свечи. Лахман продолжает его работу. Зажжены два канделябра и несколько свечей в подсвечниках.

Крамер. Что эти шуты гороховые знали о нем? Эти дубины, чурбаны в человеческом образе, как могли они понять его, меня, наши страдания? Они затравили его до смерти, уложили его на месте, как собаку, они убили его!.. Они это сделали, я могу доказать. Слушайте, что они теперь могут ему сделать?.. Итак, пожалуйста сюда, господи! Смотрите теперь на него и попробуйте оскорбить его. Сможете вы? Слушайте, Лахман, это все уже прошлое. *(Снимает с лица покойного шелковый платок.)* Как он спокойно лежит. Хорошо, очень хорошо.

При свете свечей видно, что вблизи от гроба стоит мольберт.
На нем работа.

(Садится за мольберт. Продолжает говорить так, как будто никого нет.) Весь день я здесь сидел, я рисовал, я снял с него маску. Она лежит там, в шелковом платке. Теперь он ни в чем не уступает величайшему из великих. *(Указывает на маску Бетховена.)* А попробуй ухватить, запечатлеть это, и ты окажешься глупцом. Все, что написано теперь на его лице, — это его духовный мир. Я чувствовал, понимал, знал, но не мог раскрыть это сокровище. Но, видите, — теперь его раскрыла смерть, теперь такая ясность вокруг него. Она исходит от него, от его лица. Я люблюсь им. Оно влечет меня, как ночную опьяненную бабочку... Слушайте, рядом с ним чувствуешь себя таким ничтожным... всю мою долгую жизнь я был только его учителем.... Я помыкал мальчиком. Теперь он поднялся в мир возвышенного. Я, быть может, сам задушил это растение. Быть может, я загородил его от солнца, и оно зачахло в моей тени. Видите, Лахман, он не принимал меня, он не дружил со мной. Даже если ему не хватало друга! Лахман, он отказывался от

моей дружбы. Когда ко мне пришла эта девушка, я сделал все, что мог. Но злое взяло в нем верх. А когда злое в нем побеждало, он любил мне делать больно. Раскаяние, нет раскаяния! Я его не чувствую, но я съезжился, я стал жалким около него. Я взираю на этого мальчика снизу вверх, как будто он мой древний, мудрый предок.

Михалина подводит Лизу Бенш к гробу. Она кладет венок. Крамер смотрит на него, затем прямо ей в глаза.

Лиза Бенш. Господин Крамер, я... я так несчастна! Люди показывают на меня пальцами...

Пауза.

Крамер (*наполовину про себя*). Где же ужас? И однако, кто это раз испытал, продолжает жить, хотя в ладони у него остается заноза. И, до чего бы он ни коснулся, она вонзается все глубже. Но ступайте спокойно домой: между ним и нами наступил мир.

Пауза. Михалина и Лиза Бенш уходят.

(*Задумчиво смотрит на покойника и свечи.*) Свечи, свечи, свечи... Как странно! Сколько свечей я сжег! Свет многих свечей я видел! Но, слушайте меня, — это был совсем другой свет. Я вас пугаю, Лахман?

Лахман. Нет, чего мне бояться?

Крамер (*вставая*). Есть боязливые люди, но я считаю, Лахман, что жизни не надо бояться. Любовь, говорят, сильна, как смерть. Но переделайте фразу. Смерть такая же кроткая, как любовь. Смерть оклеветали — это подлейшая ложь. Смерть — это самый милосердный вид жизни. Это творение вечной любви. (*Открывает большое окно мастерской.*)

Слышен тихий вечерний звон колоколов.

(*Дрожит от холода.*) Наша шумная жизнь полна лихорадочной дрожи, нас бросает то в холод, то в жар... то в жар, то в холод... Вы так же поступили с сыном божьим, а теперь вы делаете то же, что и тогда, и теперь, как и тогда, он бессмертен. Вы слышите — колокола опове-

щают. Слышите, они говорят там на улицах о том, что произошло с моим сыном, со мной и что никто из нас не погиб! Так ясно, так понятно каждое слово. Сегодня это произошло, и сегодня великий день. Колокола больше, чем церковь, Лахман. Призывы к столу выше хлеба. *(Его взор падает на маску Бетховена. Снимает ее, рассматривает и продолжает.)* Куда пристать? Куда нас тянет?.. Почему иногда мы ликуем неизвестно отчего? Мы — ничтожные, затерянные в необъятном... Будто мы знали, куда это ведет. И ты радовался... А что ты познал? От земных радостей ничего не осталось. Но и на небе нет радостей тоже. И этого нет, и того нет. Ну и что? *(Поднимает руки к небу.)* Что же будет в конце концов?

Занавес